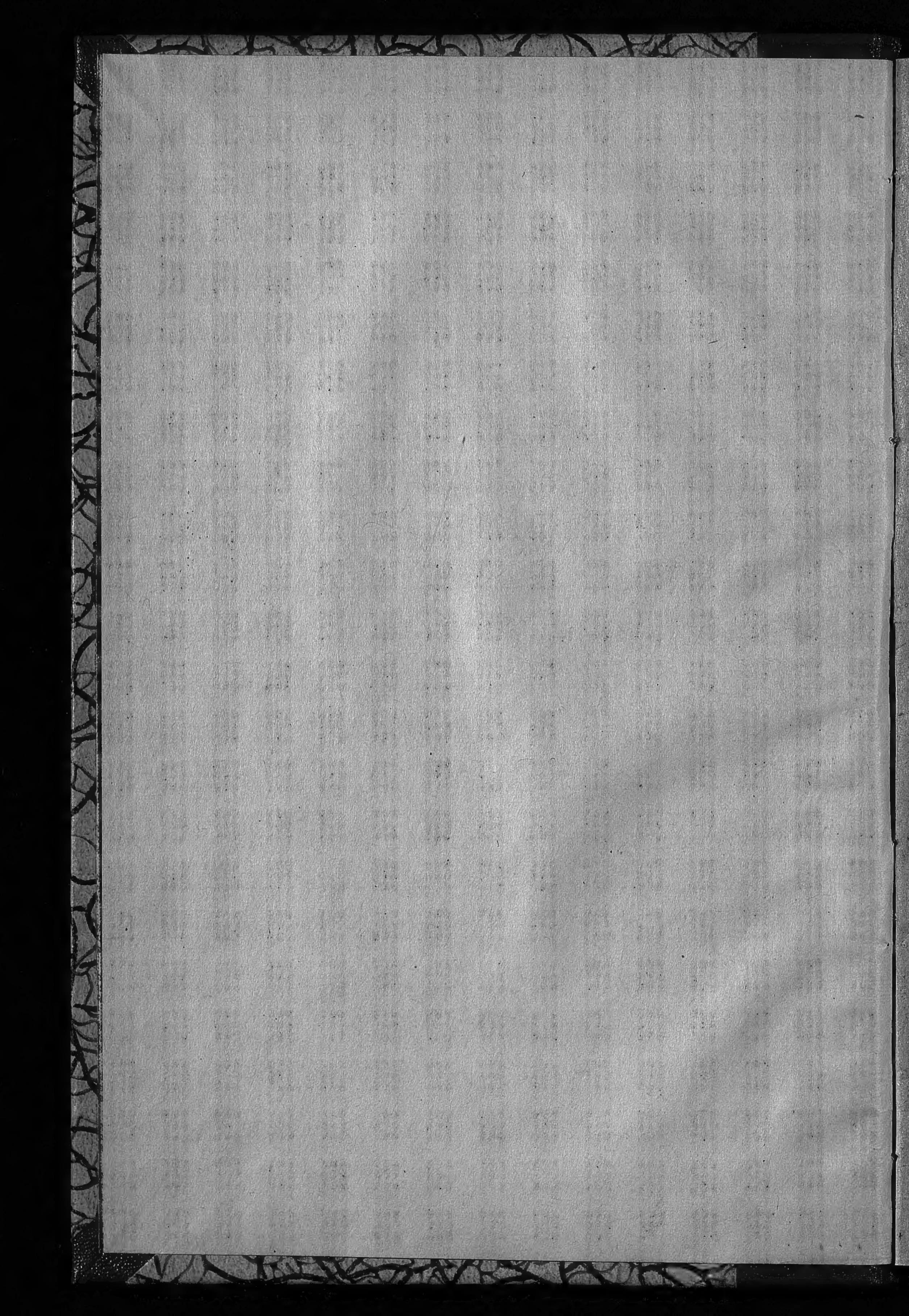

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

И. Степановъ.

Какъ народъ возвратитъ себѣ землю и что сдѣлаетъ съ нею?

Цѣна 60 коп.

ИЗДАНІЕ
Московскаго Комитета и Областного Бюро Р С.-Д. Р. П.
Москва, 1917.

1. Чѣмъ живутъ крупные землевладѣльцы?

I. Въ городѣ.

Земледѣлецъ живетъ трудомъ собственныхъ рукъ. Чтобы отъ земли что-нибудь получить, ее надо вспахать, взборонить, засѣять овсомъ или рожью, засадить картофелемъ или капустой.

Землевладѣлецъ живетъ отъ своей собственности на землю. Онъ можетъ отдать въ аренду ту землю, которую называетъ своею землею, онъ пальцемъ не ударитъ о палецъ, чтобы эту землю воздѣлать, — и все же будетъ получать доходы съ земли. Онъ ничего не сдѣлаетъ для того, чтобы эту землю улучшить, удобрить, чтобы срыть кочки, осушить заболоченныя мѣста: все это сдѣлаетъ самъ арендаторъ. Земельный собственникъ ничего не дѣлаетъ для земли, которую онъ называетъ своею землей. Но каждый разъ, какъ онъ снова отдаетъ эту землю въ аренду, онъ назначаетъ за пользованіе ею все болѣе высокую плату.

Откуда берутся доходы земельнаго собственника, и отчего возрастаютъ эти доходы?

Крупные земельные собственники есть не только въ деревнѣ: въ городахъ тоже не мало людей, которые получаютъ доходы отъ собственности на землю.

Въ Москвѣ есть одинъ пригородъ, который называется Марьиной рощей. Теперь этотъ пригородъ, населеніе котораго составило бы довольно крупный губернскій городъ, слился съ Москвой. Всѣ дома въ Марьиной рощѣ построены на землѣ, которую одинъ сіятельный графъ и его предки привыкли называть своею землей. Кто хочетъ построиться въ Марьиной рощѣ, тотъ долженъ платить за это дань сіятельнымъ графамъ. Все дѣло для графовъ исчерпывается тѣмъ, что они зовутъ земли своими и берутъ за нихъ дань.

А за то время, какъ графы владѣли и владѣютъ землями, тысячи и десятки тысячъ людей работали и работаютъ на московскихъ фабрикахъ и заводахъ. И отъ того, что все больше людей работаетъ на фабрикахъ и заводахъ, отъ этого Москва все больше торгуетъ, все больше ввозитъ хлѣба и мяса, а также хлопка, желѣза и чугуна, которые перерабатываются на фабрикахъ и заводахъ. И тысячи и милліоны людей строятъ новыя желѣзныя дороги, по которымъ тысячи и десятки тысячъ рабочихъ людей привозятъ въ Москву хлѣбъ и мясо, а также хлопокъ, желѣзо и все, что перерабатывается на московскихъ фабрикахъ и заводахъ. И на тѣхъ же дорогахъ работаютъ тысячи и десятки ты-

сячъ людей, которые развозятъ повсюду то, что сдѣлано на московскихъ фабрикахъ и заводахъ.

Трудъ тысячъ и милліоновъ рабочихъ людей приводитъ къ тому, что московское населеніе быстро растетъ. Въ поискахъ заработка приходятъ изъ деревень тысячи и десятки тысячъ сыновей и дочерей безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, увеличивается количество продавцовъ, конторщиковъ и приказчиковъ, растетъ число чиновниковъ и полицейскихъ, которые принуждаютъ рабочихъ къ повиновенію заводчикамъ и фабрикантамъ. Въ городѣ начинается великая тѣснота: въ городѣ нѣтъ квартиръ,—приходится искать квартиры за городомъ. Быстро начинала заселяться и Марьина роща.

Все дороже становились квартиры въ Марьиной рощѣ. Желѣзнодорожный или торговый служащій, сдѣлавъ маленькія сбереженія, ставилъ здѣсь жалкій домишко, самъ ютился въ парѣ каморокъ, а остальную пару отдавалъ внаймы. Здѣсь строился и торговецъ, надежда на барыши привлекала сюда и мелкаго капиталиста. Всѣ они арендовали землю у сіятельныхъ графовъ и на этой землѣ возводили постройки, въ которыхъ жили сами или отдавали квартиры. Все больше домовъ становилось въ Марьиной рощѣ.

Сіятельные графы жали тамъ, гдѣ не сѣяли. Пустыри исчезали и, застроенные другими, начинали приносить графамъ изрядный доходъ. И, если раньше графы сдавали землю подъ застройку по 1 руб. въ годъ за квадратную сажень, то быстро оказалось возможнымъ удвоивать и утроивать дани за землю, которую они привыкли называть своею землей.

Арендаторъ-домовладѣлецъ не станетъ хозяйничать въ убытокъ себѣ. Больше онъ платитъ графу за землю,—больше должны платить ему квартиранты и съемщики коечно-каморочныхъ помѣщеній.

Такъ и выходитъ, что усиленная дань сіятельнымъ графамъ уплачивается тѣмъ самимъ рабочимъ людомъ, который своимъ неустаннымъ трудомъ создалъ всѣ эти московскіе фабрики и заводы, всѣ эти желѣзныя дороги, по которымъ тѣ же рабочіе люди везутъ въ Москву все, чѣмъ она кормится, и везутъ изъ Москвы все, что она производитъ.

Москва разростается. Все дороже становятся городскія квартиры. Все глубже подъ землю, въ темные и сырые подвалы, оттѣсняется бѣднота. Все дальше, на окраинахъ и за городомъ, приходится селиться рабочему люду. Все дальше приходится ему итти отъ мѣста жилья къ мѣсту работы. Старая „конка" никуда не годится. Она перевозитъ слишкомъ мало людей и слишкомъ медленно ихъ перевозитъ.

Тысячи и десятки тысячъ рабочихъ людей строятъ трамвай и подвижной составъ для трамвая. Сотни и тысячи рабочихъ людей начинаютъ перевозить служащихъ и рабочихъ, когда законченъ трамвай.

Дошелъ трамвай и до Марьиной рощи. До нея теперь легче добраться. И отъ нея легче добраться до мѣста службы или работы. И новыя тысячи квартирантовъ и съемщиковъ хлынули въ Марьину рощу. До нея теперь легче, скорѣе и дешевле добраться. Жить въ ней стало удобнѣе. И за то, что жить въ ней стало удобнѣе, и потому, что боль-

ше народу хочетъ въ ней поселиться, домовладѣльцы накидываютъ плату на своихъ квартирантовъ,—увеличиваютъ свой доходъ. Это быстро соображаетъ сіятельный графъ и его усердные управляющіе. Арендная плата за сажень земли снова удваивается и утраивается. И опять арендаторъ-домовладѣлецъ перекладываетъ всѣ надбавки на своихъ квартирантовъ и съемщиковъ, на тѣхъ самыхъ людей, трудомъ которыхъ увеличивается московское населеніе и построенъ московскій трамвай.

Конечно и сіятельный графъ внесъ свою долю въ расходы по постройкѣ трамвая, и съ него взимаются городскіе сборы, которыми покрывались расходы на постройку трамвая. Но если такихъ сборовъ онъ платитъ въ годъ, скажемъ, десятокъ тысячъ рублей, то надбавки на арендаторовъ-домовладѣльцевъ дадутъ ему въ годъ не одну сотню тысячъ рублей. Значитъ, городу онъ уплачиваетъ ничтожную долю того, что получаетъ отъ своихъ арендаторовъ.

И опять сіятельные графы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли. И опять выходитъ, что усиленная дань сіятельнымъ графамъ уплачивается тѣмъ самымъ трудящимся людомъ, который своей неустанной работой создалъ всѣ эти дома, фабрики и заводы, всѣ эти трамваи, желѣзныя дороги, вагоны и паровозы.

Дани эти съ каждымъ годомъ растутъ, потому что тысячи и милліоны рабочихъ людей трудятся на фабрикахъ и заводахъ, на пашнѣ и на трамваѣ, на пароходахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Дани эти растутъ потому, что отъ неустаннаго труда тысячъ и милліоновъ рабочаго люда растетъ, развивается все наше общество, растетъ, развивается вся наша страна.

Значитъ, нѣсколько сотенъ и тысячъ людей, которые привыкли называть городскую землю своею землей, берутъ со всего общества дань за то, что трудомъ милліоновъ рабочихъ людей оно растетъ, развивается.

Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы общество никому не платило даней за свое развитіе? Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы изъ того, что создается трудомъ тысячъ и милліоновъ рабочихъ людей, побольше бы шло на пользу всему обществу?

II. Въ деревнѣ.

Мы говоримъ о теперешнихъ земельныхъ вопросахъ. Поэтому незачѣмъ подробно разсказывать о томъ, какъ возникала крупная земельная собственность.

Возьмемъ, напр., внутреннія губерніи Россіи: Владимирскую, Нижегородскую, Костромскую, Тверскую, Московскую, Калужскую и т. д. Лѣтъ 800 тому назадъ онѣ были покрыты дремучими лѣсами, почти непроходимыми и во всякомъ случаѣ непроѣзжими. Только кое-гдѣ по рѣкамъ были рѣдкіе и малолюдные поселки финскихъ племенъ. Главное занятіе этихъ жителей было не земледѣліе, а охота и пчеловодство, кое-гдѣ—скотоводство.

Русское земледѣльческое населеніе жило въ тѣ времена главнымъ образомъ на югѣ Россіи,—въ теперешнихъ Волынской, Кіевской, Черниговской, Курской и т. д. губерніяхъ.

Трудно стало жить земледѣльцамъ въ этихъ губерніяхъ. Все чаще нападали степные кочевники, грабили, разоряли и облагали тяжкими данями. Все больше росли аппетиты у князей и бояръ, которые давили крестьянство поборами. И тогда же сталъ, повидимому, измѣняться климатъ южной Россіи: дѣлаться болѣе засушливымъ.

Отъ всѣхъ этихъ невзгодъ земледѣльцы побрели къ сѣверу. Пожитки и сельскохозяйственныя орудія были тогда у крестьянъ еще болѣе скудными и простыми, чѣмъ въ настоящее время. Все необходимое можно было взвалить на спину лошади и себѣ.

Переселенцы продвигались по рѣкамъ и по еле замѣтнымъ тропамъ, проложенымъ дикими звѣрями и охотниками. Великія трудности пути не удерживали движенія.

Облюбовавъ лужайку среди дремучаго лѣса, переселенцы брались за работу. Расчищали и валили лѣса, жгли пни и валежникъ,—подготовляли мѣсто для пашни. Зола служила для нея удобреніемъ. Рядомъ съ первыми переселенцами устраивались другіе. Налаживались дружественныя отношенія съ ближайшими финскими поселками.

Такимъ образомъ губерніи внутренней Россіи начали заселяться. Конечно, сначала поселки были малолюдные и на многіе десятки верстъ разбросанные одинъ отъ другого.

Трудно представить себѣ тѣ лишенія и страданія, которыя переносилъ крестьянинъ-переселенецъ, когда бѣжалъ изъ южныхъ окраинъ и когда отвоевывалъ пашни отъ дремучихъ лѣсовъ, стоявшихъ на заболоченныхъ пространствахъ. Муки сибирскихъ переселенцевъ не идутъ въ сравненіе съ этими муками: сибирскіе переселенцы шли сравнительно большими партіями; какъ ни жалки ихъ орудія,—топоръ, соха и т. д.,—они все же во много разъ совершеннѣе, чѣмъ орудія тѣхъ крестьянъ, которые впервые заселили внутреннюю часть Россіи.

Крестьяне ушли отъ князей, бояръ и монастырей южной Россіи, крестьяне начали отвоевывать новыя пространства земли у суровой природы.

Но едва лишь они отвоевали значительныя пространства, какъ слѣдомъ за ними двинулись и ихъ господа. И господа повели себя такъ, что крестьянамъ стало казаться, будто они сами безъ господской власти не сумѣютъ устроить всѣхъ своихъ дѣлъ. Все меньше оставалось вольныхъ крестьянскихъ поселковъ,—все дальше къ сѣверу шли крестьяне, которымъ казалось, что они превосходно обойдутся одни, безъ господскаго глаза и господскихъ поборовъ. Но слѣдомъ за ними шли князья, бояре, дворяне, черное и бѣлое духовенство и незамѣтно подчиняли крестьянство своей попечительной власти.

Значитъ, и здѣсь господа приходили къ готовымъ посѣвамъ: приходили къ пашнямъ, поднятымъ и засѣяннымъ крестьянскимъ трудомъ. Значитъ, съ самаго начала господа жали тамъ, гдѣ не они сѣяли.

Было бы долго разсказывать, какъ господа постепенно закабалили крестьянъ и превратили въ свою собственность земли, отвоеванныя крестьянами у природы.

И совершенно излишне останавливаться на томъ, какъ ширилась и росла господская земельная собственность: всѣмъ извѣстно, какъ цари и царицы раздавали своимъ лакеямъ и любовникамъ тысячи и десятки тысячъ крестьянъ и необозримыя пространства земли, этими крестьянами отвоеванной отъ природы.

И весь трудъ этихъ собственниковъ сводился къ тому, что они заставляли крестьянъ работать на себя и облагали ихъ возрастающей барщиной и оброками. Барщина и оброки разоряли крестьянъ, доводили ихъ до нищенскаго состоянія, высасывали изъ нихъ всѣ соки настолько, что повсюду крестьянство начало вырождаться.

Но бѣжать отъ господъ было уже некуда. Куда бы ни метнулся крестьянинъ, повсюду онъ находилъ такихъ же ненасытныхъ земельныхъ собственниковъ, повсюду встрѣчалъ воеводъ, губернаторовъ и исправниковъ, поставленныхъ царемъ, самымъ крупнымъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ.

И вездѣ крестьянину крутили руки къ лопаткамъ такіе же крестьяне, оторванные отъ деревни и одѣтые въ полицейскія и солдатскія шинели. И, скрутивъ руки, послѣ варварскаго наказанія возвращали помѣщику, гдѣ ждали новыя пытки.

Усмиряя крестьянъ крестьянами, одурачивая и обманывая ихъ, запугивая при помощи поповъ вѣчными адскими муками за строптивость, земельные собственники много вѣковъ царствовали въ Россіи и безмятежно жали тамъ, гдѣ сами они не сѣяли, гдѣ все было вспахано и посѣяно мучительнымъ крестьянскимъ трудомъ.

2. Крестьянинъ и рабочій.

Трудомъ десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ людей создается теперешняя крупная промышленность: ставятся огромныя прядильныя и ткацкія фабрики, закладываются шахты для добычи руды и каменнаго угля, строятся заводы для переработки руды въ чугунъ, желѣзо и сталь, въ разные машины и инструменты.

Мѣстное крестьянское населеніе все больше отвлекается отъ деревни, все больше идетъ на фабрики и заводы. Такъ называемое освобожденіе крестьянъ, совершившееся въ 1861 году, было въ дѣйствительности освобожденіемъ крестьянъ отъ земли. Оно оставило у крестьянства мелкіе участки малоплодородной земли. Чтобы не померетъ съ голоду, крестьянамъ все больше приходится работать на фабрикахъ и заводахъ. Непродолжительнаго лѣтняго перерыва въ фабричныхъ работахъ достаточно для того, чтобы управиться съ жалкой полоской земли.

Земля не даетъ достаточнаго пропитанія. Но въ то же время эта земля прикрѣпляетъ къ мѣстнымъ фабрикамъ и заводамъ.

Крестьянская нищета шла на пользу промышленному капиталу. Заводчики и фабриканты платили рабочимъ копейки. Они знали, что рабочій не уйдетъ отъ клочка земли, а значитъ, не уйдетъ и отъ фабрики. Они заставляли рабочихъ работать чуть не круглыя сутки, оста-

вляя короткое время на сонъ и не давая почти никакихъ перерывовъ для завтрака и обѣда.

Быстро высасывала фабрика всѣ соки изъ рабочаго и, какъ выжатый лимонъ, выбрасывала его на улицу: выгоняла въ деревню, гдѣ рабочій, въ тягость себѣ и роднымъ, печально и мучительно доживалъ свои послѣдніе дни.

Семьи не было у рабочаго: семья оставалась въ деревнѣ. Къ семьѣ рабочій шелъ только „на побывку“: на Рождество, на Пасху и на нѣсколько недѣль съ Петрова дня. И въ ту же семью шелъ умирать.

Семья оставалась въ деревнѣ. Старикъ-отецъ и мать, жена и дѣтишки „крестьянствовали“ и кое-какъ перебивались собственной картошкой и рожью да молокомъ отъ собственной коровенки. Уходя на фабрику, работникъ только освобождалъ свою семью отъ лишняго рта, отъ лишняго ѣдока. Изъ фабричнаго заработка рабочій едва лишь могъ самъ прокормиться и раза два въ годъ высылалъ на уплату податей пятитку или десятку.

Семья должна была сама прокормиться въ деревнѣ. Фабрикантъ платилъ такъ мало, что ничего не оставалось на прокормленье семьи.

Все больше выпахивалась земля, все труднѣе становилось перебиваться въ деревнѣ. На фабрику приходилось итти женѣ рабочаго и его ребятишкамъ.

Фабрикантъ получалъ новую рабочую силу, на воспитаніе которой онъ не уплачивалъ рабочему ни копейки. Деревня взрастила эту рабочую силу. И эта дешевая сила позволяла еще больше понизить заработки взрослаго мужчины-рабочаго

Постоянно росли подати и налоги, взимавшіеся съ крестьянства, повсюду рядовому крестьянину все труднѣй становилось сводить концы съ концами и штопать прорѣхи разоряющагося хозяйства, повсюду выпахивалась земля. Крестьянину приходилось брать отъ земли все больше и больше, а къ ней не возвращалось почти ничего изъ взятаго у нея: приходилось запахивать каждый клочекъ, нечѣмъ было содержать скотъ, — сокращалось количество удобреній. Хозяйство рядового крестьянина повсюду разваливалось.

Сильный, здоровый парень шелъ въ поиски за работой и находилъ ее на растущихъ фабрикахъ и заводахъ, при постройкѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на самыхъ желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ и пристаняхъ. Онъ становился ткачемъ, кондукторомъ, грузчикомъ, наборщикомъ, слесаремъ.

И опять капиталъ получалъ рабочую силу, на подготовку которой ему не приходилось затрачивать ни копейки. Крестьянство подготовило для него эту рабочую силу; земледѣліе крестьянской семьи дало тотъ хлѣбъ, которымъ питался, пока подрасталъ, будущій ткачъ или грузчикъ. На то, что платилъ капиталъ, не всегда могъ бы прожить и одинокій рабочій.

Такъ капиталъ отвлекалъ отъ деревни лучшія силы: молодыхъ, здоровыхъ и сильныхъ людей, и возвращалъ этихъ людей, выпивъ изъ нихъ жизнь, высосавъ кровь.

Капиталъ не несъ ни малѣйшей заботы о томъ, кто замѣститъ въ конецъ изможденныхъ рабочихъ. Онъ зналъ, что крестьянство подготовитъ ему свѣжія силы, — что деревня вытолкнетъ новые „лишніе рты“.

Но все это не только такъ *было:* все это такъ и въ настоящее время *осталось.*

Правда, своею борьбой рабочіе добились изданія ряда законовъ, которые нѣсколько ограничиваютъ хозяйскій произволъ по отношенію къ дѣтямъ и женщинамъ и отчасти къ взрослымъ рабочимъ. На крупныхъ фабрикахъ и заводахъ рабочій день уже не такой безконечный, какъ былъ раньше; и не такъ легко фабриканту обирать рабочаго посредствомъ продажи товаровъ изъ фабричной лавки, какъ это дѣлалось раньше. Своей организованной борьбой рабочіе добивались того, что заработки время отъ времени нѣсколько повышались.

Но фабрикантъ ускорялъ ходъ машинъ, увеличивалъ количество веретенъ и станковъ, съ которымъ долженъ былъ управляться каждый рабочій. Въ короткій рабочій день изъ рабочаго высасывалось больше силъ, чѣмъ раньше — въ болѣе длинный.

А питаніе рабочаго нисколько не улучшалось; напротивъ, оно дѣлалось хуже: все дорожало, ни къ чему не было приступу. Дорожали квартиры, дорожали углы, по которымъ ютился рабочій, дорожалъ хлѣбъ и картофель, одежда и обувь.

Вотъ почему и въ настоящее время огромная часть рабочихъ живетъ безъ семьи: капиталъ платитъ такъ мало, что семья должна перебиваться въ деревнѣ.

Капиталъ платитъ такъ мало, что семейный рабочій постоянно ведетъ мучительную борьбу съ форменнымъ голодомъ. Самъ онъ, его жена и ребята, едва лишь они подрастутъ, убиваются надъ работой для капитала. Но заработковъ всей семьи хватаетъ только на то, чтобы еле-еле перебиваться хлѣбомъ да квасомъ, картофелемъ да капустой. И заработковъ всей семьи едва лишь хватаетъ на то, чтобы ютиться въ какомъ-нибудь тѣсномъ, низкомъ, холодномъ, сыромъ и смрадномъ углу.

Непосильный трудъ матери, необходимость итти на работу, не оправившись отъ родовъ, вскармливаніе малютокъ не материнскою грудью, а соской, полная безпризорность дѣтей, фабричный трудъ въ убійственной обстановкѣ съ самаго нѣжнаго возраста, малопитательная, грубая и скудная пища, — все это приводитъ къ тому, что у рабочихъ родятся хилыя и слабыя дѣти, и что большая часть этихъ дѣтей на первомъ же году умираетъ. Выживаютъ немногія. И изъ этихъ немногихъ выростаютъ тщедушные и слабые люди съ зелеными лицами. Работа на капиталъ быстро сводитъ въ могилу этихъ людей.

Такъ и выходитъ, что среди фабричнаго и заводского населенія ежегодно умираетъ больше людей, чѣмъ подростаетъ той молодежи, которая могла бы притти имъ на смѣну. Такъ и выходитъ, что рабочіе сорока лѣтъ встрѣчаются рѣдко, да и тѣ по большей части выглядятъ дряхлыми стариками. Такъ и выходитъ, что промышленные рабочіе давно вымерли бы, если бы ихъ ряды постоянно не пополнялись приходящими со стороны, изъ деревни.

Капиталъ беретъ изъ деревни новыя и новыя свѣжія силы и въ десятокъ-другой годовъ ихъ потребляетъ: убиваетъ чрезмѣрной работой, за которую рабочій не получаетъ достаточнаго пропитанія. Преждевременно состарившихся, инвалидовъ промышленности капиталъ выбрасываетъ въ деревню: тотъ „лишній ротъ“, который ушелъ изъ деревни въ видѣ крѣпкаго парня, теперь возвращается къ своей семьѣ въ видѣ дряхлаго старика со слезящимися глазами и трясущимися руками или въ видѣ кашляющаго обтянутаго кожей скелета.

Чѣмъ труднѣе живется деревнѣ, чѣмъ сильнѣе подати и налоги давятъ крестьянство, чѣмъ быстрѣе выпахивается земля, чѣмъ больше мельчаютъ полоски, — тѣмъ больше „лишнихъ ртовъ“ идетъ изъ деревни на фабрики и заводы, тѣмъ скорѣе соглашаются они на все, чего потребуетъ отъ нихъ капиталъ. Задавленная нищетою деревня даетъ тѣхъ рабочихъ, которые приносятъ на фабрики и заводы свою привычку къ жалкому прозябанію.

Успѣшнѣе была бы борьба фабричныхъ рабочихъ, если бы не было въ деревнѣ такой тяжелой нужды. Не сбивали бы тогда крестьяне заработковъ фабричныхъ рабочихъ, капиталистамъ скорѣе пришлось бы итти на уступки.

И деревня выиграла бы, если бы фабричный рабочій не былъ такъ задавленъ нуждой и работой. Тѣ молодые, сильные люди, которые уходили бы изъ деревни, не возвращались бы дряхлыми инвалидами, обузой для себя и семьи.

Своей борьбой за лучшую долю промышленные рабочіе уже давно всколыхнули бы деревню, — какъ впервые они всколыхнули ее лѣтъ 12—15 тому назадъ и еще глубже всколыхнули теперь. И крестьянство уже давно разбило бы цѣпи, въ которыхъ вѣками держали его господа.

Помѣщики и капиталисты хорошо знаютъ, какъ тѣсно связаны судьбы промышленнаго рабочаго съ крестьянскою долей. И потому они одинаково ополчались и ополчаются противъ рабочаго и противъ крестьянина. Имъ хотѣлось бы, чтобы ихъ потомки еще долго ѣздили попрежнему на народномъ горбѣ.

И теперь они помышляютъ о томъ, какъ бы натравить крестьянъ на рабочихъ. Тогда имъ удалось бы задавить рабочихъ, а потомъ въ бараній родъ согнуть и крестьянъ.

Земельные вопросы опять остались бы неулаженными, какъ остались послѣ 1905 года. Деревня по-прежнему доставляла бы капиталу рабочую силу, на подготовку которой онъ не затрачиваетъ ни копейки. И помѣщикъ по-прежнему собиралъ бы посѣвы, которые посѣялъ не онъ, а крестьянинъ. И по-прежнему крестьянинъ сгибался бы подъ тяжестью податей и налоговъ.

3. Крестьянинъ и помѣщикъ.

Крупные земельные собственники въ большинствѣ случаевъ не ведутъ собственнаго хозяйства. Сдача земли въ аренду крестьянамъ — наиболѣе обычный способъ извлеченія доходовъ изъ собственности на землю.

Крестьянинъ *вынужденъ* арендовать сосѣднюю помѣщичью землю. У него есть собственная земля: по узкой полосѣ въ озимомъ, яровомъ и подъ паромъ. Корова пасется на общемъ деревенскомъ выгонѣ, на деревнѣ у него есть избушка съ крытымъ соломой дворомъ, на которомъ стоитъ лошадь, есть телѣга и сани, плугъ, борона. Значитъ, онъ еще можетъ крестьянствовать.

Но собственной земли такъ мало, что управиться на ней съ пахотой, бороньбой и посѣвомъ можно въ нѣсколько дней. И такъ мало этой земли, что на уборку урожая и на покосъ достаточно тоже нѣсколькихъ дней.

Но какъ ни мало рабочихъ дней требуетъ собственная земля, приходится безотлучно сидѣть при ней цѣлое лѣто. Однако урожаемъ съ этой земли крестьянская семья не прокормилась бы и до святокъ. Значитъ, надо думать о томъ, какъ бы приработать еще сколько-нибудь,— и приработать гдѣ-нибудь по сосѣдству.

Своимъ собственнымъ жалкимъ хозяйствомъ крестьянинъ прикрѣпленъ къ сосѣднему крупному земельному собственнику. Этотъ собственникъ видитъ, что крестьянину податься некуда, что онъ никуда не уйдетъ, что расширить свое хозяйство арендой необходимость для него. Собственникъ это учитываетъ и вздуваетъ арендную плату до крайнихъ предѣловъ: до того, что, за вычетомъ сѣмянъ, у арендатора остаются сущіе пустяки,—много меньше, чѣмъ въ той же мѣстности платятъ наемному рабочему.

Во многихъ случаяхъ крупный собственникъ прибѣгаетъ къ хитрымъ способамъ, чтобы еще больше увеличить свой доходъ отъ земли, чтобы еще дешевле купить рабочую силу сосѣда-крестьянина. Такъ, земля отдается за такую-то долю урожая: изъ третьяго или второго снопа, луга скашиваются за шестую или седьмую копну. Въ этихъ случаяхъ крестьянинъ—уже не столько арендаторъ, сколько наемный рабочій. Но, въ отличіе отъ настоящаго рабочаго, онъ совершенно не знаетъ, на какихъ же условіяхъ его нанимаютъ: сколько онъ получитъ за свою рабочую силу, и будетъ ли его вознагражденіе выше или ниже той платы, которую получаетъ поденный рабочій. Крестьянинъ не высчитываетъ и не подсчитываетъ, и потому его выручка отъ подобной аренды всегда много ниже, чѣмъ плата поденщика. Но крестьянинъ себя не щадитъ надъ обработкой земли, взятой въ аренду. Наемный рабочій работаетъ не на себя, а на нанимателя. Напротивъ, арендаторъ вымативаетъ изъ себя всѣ жилы, чтобы какъ можно скорѣй и успѣшнѣй закончить работу. Не согласится наемный рабочій и на такую скудную пищу отъ нанимателя, какою самъ себя продовольствуетъ арендаторъ-крестьянинъ.

Крестьянинъ, арендуя землю у сосѣдняго крупнаго собственника, нерѣдко не платитъ никакихъ арендныхъ денегъ, но вмѣсто того обязуется скосить такую-то „луговинку“, вспахать, засѣять и убрать такую-то немѣрянную „полоску“, вывезти и доставить на станцію дрова изъ такой-то лѣсной дачи. Въ этихъ случаяхъ помѣщикъ просто покупаетъ рабочую силу крестьянина, но покупаетъ ее не за деньги.

Раньше фабриканты расплачивались съ рабочими не деньгами, а товарами, и получали отъ такого способа сбыта гнилыхъ товаровъ по высокимъ цѣнамъ огромные барыши. Своей борьбой рабочіе заставили фабрикантовъ отказаться отъ такого способа расплаты. А вотъ въ деревнѣ до сихъ поръ сохраняется расплата за рабочую силу не деньгами, а отдаваемой въ аренду землей.

Государство съ самаго своего возникновенія было боярскимъ государствомъ. До послѣдняго времени вся власть въ немъ принадлежала помѣщикамъ, потомкамъ бояръ. Не даромъ во главѣ государства стоялъ царь, крупнѣйшій помѣщикъ. Дворяне-помѣщики дѣлили свою власть только съ капиталистами (буржуазіей). Но это былъ въ большинствѣ случаевъ не такой раздѣлъ власти, который ее ослабляетъ, а такой, который ее усиливаетъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, интересы помѣщиковъ и капиталистовъ не расходятся, а совпадаютъ. И совсѣмъ одинаковыми становятся ихъ интересы, когда бѣднота деревень и городовъ выступаетъ противъ самодержавія капиталистовъ и помѣщиковъ.

Въ 1861-мъ году помѣщичье государство освободило крестьянъ. Оно освободило крестьянъ отъ огромной части земли, которая до того времени находилась въ ихъ пользованіи. За ту землю, которая отошла къ крестьянамъ, были назначены высокіе платежи: настолько высокіе, что доходы помѣщиковъ не только не сократились, а значительно возрасли. Земли у крестьянъ стало меньше, а работать „освобожденному" отъ помѣщика крестьянину приходилось много больше, чѣмъ работалъ крестьянинъ, который былъ подчиненъ помѣщику открыто и прямо.

Держать крестьянъ въ открытомъ рабствѣ стало нельзя: крестьянскіе бунты становились все чаще и все шире охватывали Россію. Приходилось подумать о томъ, какъ бы похитрѣе высасывать изъ крестьянъ соки. И помѣщики увидали, что, если сдѣлать крестьянина по внѣшности свободнымъ, онъ начнетъ убиваться надъ работой и дастъ больше помѣщикамъ и помѣщичьему государству. Открытое, прямое, крѣпостное подчиненіе крестьянина помѣщику смѣнилось прикровеннымъ, экономическимъ рабствомъ.

Таковъ смыслъ знаменитаго „освобожденія крестьянъ" помѣщиками и ихъ государствомъ. Крестьяне хорошо видили, къ чему клонится дѣло. Во многихъ случаяхъ они отказывались отъ „свободы". „Свободу" пришлось вводить принудительно: при содѣйствіи воинскихъ командъ, при чемъ доходило иногда до разстрѣловъ и очень нерѣдко—до жестокой поголовной порки крестьянъ. И господа изображали изъ себя крестьянскихъ благодѣтелей: увѣряли, будто крестьяне только по своей глупости отказываются отъ подарка, сдѣланнаго помѣщичьимъ государствомъ.

Ловко задуманное, дѣло освобожденія крестьянъ отъ земли еще лучше было проведено въ жизнь. Помѣщикамъ было мало, что они отобрали у крестьянъ земли, находившіяся въ ихъ распоряженіи; и мало того, что, назначивъ огромные выкупные платежи за тѣ земли, которыя отошли къ крестьянамъ, они на многія десятилѣтія закабалили

крестьянъ, привели деревенское населеніе къ постоянному недоѣданію и къ быстрому вырожденію, сдѣлали неизбѣжнымъ частое повтореніе голода. Помѣщикамъ мало того, что уже этими способами они надолго обезпечили дешевою рабочею силой себя, а также заводчиковъ и фабрикантовъ. Не довольствуясь этимъ, они сумѣли понаставить настоящихъ ловушекъ для „освобожденныхъ" крестьянъ.

Достаточно извѣстно, какъ устраивались эти ловушки при распредѣленіи земель между помѣщикомъ и крестьянами. Деревня получала выпасъ, да вотъ выгонъ-то этотъ отдѣлялся отъ нея полоской полей помѣщика. Деревня получала пахотную землю, да добраться-то до нея можно было только черезъ помѣщичьи луга.

Многія деревни со всѣхъ сторонъ окружены такими ловушками-отрѣзками. Какъ бы ни смотрѣли крестьяне за стадомъ, нѣтъ-нѣтъ да и заберется корова на помѣщичій лугъ или поле. Значитъ, приходится платить за „потраву". И эти потравы—крупная доходная статья для многихъ землевладѣльцевъ. Потравы же доставляютъ помѣщикамъ почти безплатную рабочую силу. За помѣщика вступаются всѣ: и урядникъ со становымъ, которые передъ нимъ рабствуютъ, и земскій начальникъ, — такой же помѣщикъ. Если крестьянинъ не хочетъ, чтобы стражники стащили его къ уряднику и тамъ выпороли, а потомъ засадили въ чижовку на нѣсколько недѣль самаго горячаго рабочаго времени,—соглашайся на произвольно опредѣляемый штрафъ: обработай помѣщику полосу, которую назначитъ его управляющій.

Доходное дѣло эти отрѣзки! Чтобы быстрѣе ловить крестьянъ на „потравахъ", помѣщики нанимали на свой счетъ особыхъ стражниковъ, въ особенности кавказцевъ-ингушей и осетинъ. Эти барскіе холопы рыскали по полямъ и нагоняли страхъ на крестьянъ своими варварскими расправами. И нигдѣ-то крестьянинъ не могъ найти справедливости. На каждомъ шагу онъ убѣждался, что живетъ въ помѣщичьемъ государствѣ, и что всѣ власти существуютъ только для охраны помѣщичьихъ интересовъ.

Отрѣзки часто были такъ малы, что хлѣбъ съ нихъ или сѣно не представляли для помѣщика никакой цѣнности: всего нѣсколько десятковъ пудовъ. Тѣмъ не менѣе помѣщики ни за какую цѣну не хотѣли разстаться съ отрѣзками и продать ихъ крестьянамъ. Сельскохозяйственнаго значенія для помѣщиковъ эта земля не имѣла. Она имѣла только то значеніе, что подчиняла крестьянъ полному, безграничному помѣщичьему произволу.

„Добрые" помѣщики соглашались отдавать отрѣзки крестьянамъ въ аренду. Плату при этомъ назначали такую, что получали столько же, сколько выколачивали изъ крестьянъ посредствомъ преслѣдованій за „потравы". Крестьянину приходилось арендовать такія земли, потому что иначе онъ не могъ бы добраться до собственной пашни и луга. Значитъ, помѣщикъ могъ назначить всякую цѣну, и крестьянинъ платилъ все, что ни потребуетъ помѣщикъ. За ничтожный клочекъ земли деревня вынуждалась вспахать и убрать для помѣщика столько-то десятинъ озимого или ярового, скосить и убрать такую-то пустошь.

Ничего не подѣлаешь: податься некуда, управы на помѣщика нигдѣ не найдешь.

Общество не получаетъ никакой пользы отъ того, что кучка людей называетъ огромныя пространства земли своею землей. Напротивъ, оно получаетъ отъ этого нескончаемый вредъ.

Если бы устранить крупныхъ земельныхъ собственниковъ, то вся земля, которая теперь арендуется у нихъ крестьянами, была бы воздѣлана много лучше, чѣмъ воздѣлывается въ настоящее время.

Крестьянинъ вспахиваетъ эту землю своею плугаркой, на своей лошади, боронитъ своей бороной, бросаетъ въ землю свои сѣмена, убираетъ собственными силами. Помѣщикъ ничего не даетъ для этой земли. Но онъ беретъ отъ крестьянъ добрую долю урожая. И беретъ только потому, что называетъ землю своею землею, беретъ только за то, что разрѣшаетъ приложить человѣческій трудъ къ этой землѣ.

Помѣщикъ безполезенъ для земледѣлія. Его существованіе приноситъ обществу прямой вредъ. Крестьянинъ лучше воздѣлалъ бы и удобрилъ бы землю, если бы его не обиралъ помѣщикъ, и если бы надъ нимъ не стояла постоянная угроза, что въ будущемъ году аренда будетъ передана другому,—можетъ быть, сосѣдней деревнѣ. И не было бы въ деревнѣ такого недоѣданія, не были бы ребята такими хилыми и золотушными, не вырождалось бы такъ крестьянство, не разражались бы надъ нимъ такія частыя голодовки, если бы помѣщикъ не отбиралъ себѣ большой доли того, что добыто крестьянскимъ трудомъ. Деревня согнулась отъ непосильнаго нескончаемаго труда какъ разъ потому, что помѣщикъ живетъ припѣваючи на доходы съ земли, которую онъ и его предки привыкли называть своею землей.

Никакой пользы для общества нѣтъ и въ томъ случаѣ, когда у помѣщика имѣются собственныя запашки, которыя обрабатываются крестьянами за землю, арендуемую у того же помѣщика. У такого помѣщика очень мало рабочаго скота; слѣдовательно, онъ не можетъ дать землѣ достаточнаго удобренія. Почти или совсѣмъ нѣтъ у него земледѣльческихъ орудій: плуговъ, боронъ, даже телѣгъ и саней и т. д. Вся его земля обрабатывается крестьянскимъ трудомъ, крестьянскою лошадью и крестьянскими орудіями. И обрабатывается такъ же, какъ крестьянская земля,—вѣрнѣе сказать, обрабатывается хуже, чѣмъ крестьяне стали бы обрабатывать ее для себя. Значитъ, если бы крестьяне стали обрабатывать ее для себя, общество получило бы отъ нея хлѣба, мяса и молока не меньше, а больше, чѣмъ получаетъ въ настоящее время.

Но только потому, что помѣщикъ и его предки привыкли называть землю своею землей, и только потому, что общественная власть: полиція, суды и армія, всегда выступала до сихъ поръ на защиту помѣщичьихъ требованій,—только поэтому помѣщики жали тамъ, гдѣ не сѣяли.

Общество ничего не проиграетъ, а, напротивъ, только выиграетъ, если откажется признавать помѣщиковъ собственниками земли: если оно само сдѣлается собственникомъ всей земли.

4. Деревня и капиталистическое предпріятіе.

Въ рѣдкихъ случаяхъ крупный землевладѣлецъ,—самъ или черезъ управляющаго, — налаживаетъ земледѣльческое хозяйство совершенно такъ же, какъ капиталистъ устраиваетъ фабрику или заводъ.

Такія хозяйства возникаютъ преимущественно въ мѣстахъ, гдѣ по сосѣдству съ крупнымъ землевладѣльцемъ нѣтъ малоземельныхъ крестьянъ: нѣтъ тѣхъ крестьянъ, которые вынуждены платить высокія арендныя цѣны за помѣщичью землю или за безцѣнокъ отдавать въ распоряженіе землевладѣльца свою рабочую силу, свою лошадь и свои немудреныя земледѣльческія орудія,—плугъ, борону и т. д.

Въ такихъ случаяхъ безъ пришлыхъ наемныхъ рабочихъ не получишь никакого дохода съ земли. Но наемный рабочій не пойдетъ на работу по такой низкой цѣнѣ, какъ сосѣдній малоземельный крестьянинъ. Пришлый рабочій ничѣмъ не привязанъ къ данному землевладѣльцу, не привязанъ даже къ уѣзду и къ губерніи, въ которой налаживаетъ собственное хозяйство этотъ землевладѣлецъ. Онъ ищетъ, гдѣ цѣны на рабочія руки повыше, переходитъ изъ уѣзда въ уѣздъ и въ губернію изъ губерніи. Въ особенности онъ пользуется тѣми недѣлями, когда слѣдомъ за сѣнокосомъ приходится убирать рожь или пшеницу, потомъ поспѣваетъ овесъ, а потомъ пора приступать къ озимому посѣву. Здѣсь онъ зорко слѣдитъ за состояніемъ рабочаго рынка. Онъ беретъ ту плату, какую можно взять при сложившихся обстоятельствахъ, — а не такъ, какъ малоземельный крестьянинъ, который еще зимой обязался сжать и убрать помѣщику десятину за куль хлѣба, выданный въ тяжелое, голодное время.

При каждомъ крупномъ хозяйствѣ существуютъ годовые рабочіе: для уборки скота, для работы въ лѣсу и такъ далѣе. Но не обойдешься одними годовыми рабочими: весной, когда начинаются полевыя работы, и въ особенности въ страдную пору приходится нанимать рабочихъ временныхъ.

Крупный сельскій хозяинъ больше всего плачется на неумѣренныя требованія именно этихъ временныхъ рабочихъ. Онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы подчинить ихъ себѣ. И главная мѣра заключается въ томъ, чтобы сократить необходимое для хозяйства количество временныхъ, сезонныхъ рабочихъ, понизить спросъ крупнаго землевладѣльческаго хозяйства на этихъ рабочихъ.

Работая желѣзнымъ плугомъ, работникъ за день вспашетъ больше земли, чѣмъ орудуя старинной сохой. Сидя на косилкѣ, запряженной парою лошадей, одинъ работникъ за день скоситъ такое пространство, съ которымъ не управились бы и 20 хорошихъ косцовъ. То же съ жатками, тоже съ сноповязальными машинами и т. д.

Чтобы сдѣлаться господиномъ положенія и скрутить рабочихъ, необходимыхъ для крупнаго хозяйства, оно вводитъ за машиной машину. Въ эту сторону направляютъ свою изобрѣтательность ученые техники.

Они выдумываютъ новыя машины, — для окучиванья или для выкапыванія картофеля и свекловицы, — и совершенствуютъ старыя. При первомъ своемъ появленіи почти всякая сельскохозяйственная машина отличается крупными недостатками. Она работаетъ быстро, но плохо: подрѣзаетъ траву слишкомъ высоко, мнетъ солому, рѣжетъ картофель и бураки, многое оставляетъ въ землѣ, да и сама слишкомъ скоро ломается: больше пребываетъ въ починкѣ, чѣмъ на работѣ. Но все это — только вначалѣ. Съ теченіемъ времени машина такъ совершенствуется, что съ нею работникъ работаетъ не только много быстрѣе, чѣмъ безъ нея, но и работа получается болѣе совершенная.

Въ развивающемся обществѣ развивается наука, и между прочимъ наука о природѣ. Наука раскрываетъ, при какихъ условіяхъ лучше выростаетъ рожь и овесъ, картофель и клеверъ, при какихъ условіяхъ можно избѣжать истощенія почвы и пониженія урожаевъ. Тысячи и десятки тысячъ людей изъ прошлыхъ поколѣній и изъ теперешняго поколѣнія работали и работаютъ надъ этими вопросами. Они жили и живутъ за счетъ всего общества. Милліоны и десятки милліоновъ крестьянъ и рабочихъ своимъ безконечнымъ трудомъ даютъ возможность устроить тѣ учрежденія, тѣ лабораторіи, въ которыхъ производятся опыты, выясняющіе наиболѣе благопріятныя условія роста растеній и животныхъ. Трудомъ же всего трудового народа содержатся тѣ высшія учебныя заведенія съ мастерскими при нихъ, въ которыхъ изобрѣтаются новыя орудія и машины и шагъ за шагомъ вводятся усовершенствованія въ существующія.

Многовѣковой жизнью всего трудового общества создана вся современная наука со всѣми ея практическими примѣненіями. И за счетъ труда милліоновъ крестьянъ и рабочихъ подготовляются тѣ агрономы и техники, которыми всѣ пріобрѣтенія науки примѣняются къ промышленности и земледѣлію.

Но теперешнее общество такъ устроено, что исключительно отъ собственника фабрики, завода или земледѣльческаго хозяйства зависитъ, дастъ ли онъ у себя практическое примѣненіе завоеваніямъ науки. Ему нѣтъ дѣла до общества и до его интересовъ. Онъ используетъ усовершенствованныя орудія и машины, онъ будетъ примѣнять новые, усовершенствованные способы производства только въ томъ случаѣ, если ожидаетъ отъ этого повышенія барышей.

Усовершенствованные плуги и бороны, сѣялки, косилки, жатвенныя машины, молотилки и т. д. открываютъ для общества въ цѣломъ возможность сократить то рабочее время, какое оно должно затрачивать на производство необходимаго для него хлѣба, мяса и молока. Пользуясь завоеваніями науки, созданной обществомъ, оно могло бы уменьшить муки сельскохозяйственнаго труда: сократить продолжительность рабочаго дня, почти безграничнаго для земледѣльца въ страдную пору. У земледѣльческихъ рабочихъ появился бы досугъ, который далъ бы имъ возможность принимать постоянное и сознательное участіе въ политической жизни, посѣщать лекціи и собранія, учиться, обогащать умъ, создавать организаціи для защиты своихъ интересовъ. Съ повыше-

ніемъ сознательности земледѣльческихъ рабочихъ стало бы возможнымъ примѣненіе болѣе тонкихъ машинъ, требующихъ особой понятливости и вниманія со стороны рабочаго. Отъ этого количество труда, которое обществу приходится направлять на производство необходимыхъ для него сельскохозяйственныхъ продуктовъ, сократилось бы еще больше.

Мы лишь съ трудомъ можемъ представить себѣ, какимъ совершеннымъ уже теперь могло бы сдѣлаться сельское хозяйство, если бы оно было организовано въ интересахъ всего общества, и если бы въ немъ нашли себѣ примѣненіе всѣ открытія современной науки. Каждый участокъ земли получилъ бы примѣненіе, наиболѣе соотвѣтствующее его природнымъ условіямъ: для разведенія лѣса или для зерновыхъ посѣвовъ, для конопли или для свекловицы. Только отборныя сѣмена употреблялись бы для посѣва. Разнообразіемъ засѣваемыхъ растеній, изъ которыхъ одно мирится съ засушливымъ лѣтомъ, другое даетъ наибольшій урожай при изобиліи влаги, устранялись бы тѣ неурожаи, которые теперь приводятъ ко всеобщему голоду. Ежегоднымъ чередованіемъ посѣвовъ, берущихъ изъ почвы одни вещества и отдающихъ ей другія, и разумнымъ примѣненіемъ минеральныхъ удобреній устранялось бы то угрожающе быстрое истощеніе, „выпахиваніе" почвы, которое столь обычно теперь, при повтореніи изъ году въ годъ, съ незначительными промежутками, однородныхъ посѣвовъ. Широкое примѣненіе усовершенствованныхъ орудій и машинъ при воздѣлываніи почвы, при сборѣ урожая и при его окончательной переработкѣ въ свою очередь увеличило бы количество продукта, получаемаго съ каждой десятины земли, и увеличило бы количество продукта, приходящагося при разсчетѣ на одного земледѣльческаго работника. Общество въ цѣломъ получило бы больше необходимыхъ для него продуктовъ, и затратило бы меньше труда на полученіе этого увеличеннаго количества.

Но въ современномъ обществѣ исключительно отъ крупнаго земельнаго собственника зависитъ, будетъ или не будетъ онъ вводить всѣ общественно возможныя и необходимыя усовершенствованія въ земледѣліи. Онъ считаетъ, что не стоитъ предпринимать хлопоты, не стоитъ отказываться отъ старыхъ и застарѣлыхъ привычекъ, отъ устарѣлыхъ пріемовъ земледѣлія, если усовершенствованія не обѣщаютъ ему вѣрнаго и огромнаго повышенія барышей.

Онъ вводитъ машины не для того, чтобы облегчить каторжный земледѣльческій трудъ, а для того, чтобы, сокративъ свой спросъ на рабочія руки, увеличить зависимость рабочаго, заставить его понизить свои требованія, принудить его къ полному подчиненію. Машина, примѣняемая въ интересахъ собственника земли и машины, позволяетъ собственнику по-прежнему высасывать изъ рабочаго соки.

Правда, рабочій день того работника, который управляетъ машиной, нѣсколько короче, чѣмъ рабочій день простого рабочаго, его заработная плата нѣсколько выше. Но это — только потому, что въ деревнѣ пока очень немного работниковъ, которымъ можно довѣрить управленіе сложной и хрупкой машиной; и еще потому, что работа на машинѣ, не требуя мускульной, физической силы, — силы рукъ и спины, —

требуетъ усиленной, истощающей внимательности. Постоянно напряженное вниманіе такъ изнуряетъ, что работникъ на косилкѣ чувствуетъ себя къ концу своего сравнительно короткаго рабочаго дня усталымъ и разбитымъ не меньше, чѣмъ работникъ, боронившій почти круглыя сутки. Собственникъ своего никогда не упуститъ, онъ изъ каждаго рабочаго высосетъ все, что только можетъ.

Великое благо для всего человѣчества были бы способны принести тѣ усовершенствованія въ земледѣліи, которыя сдѣлались возможными благодаря успѣхамъ науки. Но мало этихъ возможныхъ усовершенствованій примѣняется теперешними господами жизни, крупными земельными собственниками. Изъ ста милліоновъ десятинъ земли, принадлежащей имъ въ Россіи, менѣе одной десятой части воздѣлывается съ примѣненіемъ нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ пріемовъ, орудій и машинъ. А наибольшая часть или арендуется крестьянами у помѣщика или же воздѣлывается для помѣщика крестьянскимъ трудомъ, крестьянскими орудіями и крестьянскими способами.

Россія много потеряла бы, если бы въ теперешнемъ земельномъ переворотѣ погибли тѣ немногія крупныя хозяйства, которыя начали налаживать земледѣліе по-современному. Чѣмъ меньше этихъ культурныхъ или образцовыхъ хозяйствъ, тѣмъ больше слѣдуетъ ихъ беречь. Когда земля перейдетъ ко всему народу, когда все земледѣліе станетъ устраиваться по-новому, эти хозяйства, дѣйствительно, могутъ послужить образцомъ правильной постановки дѣла.

Если общество возьметъ эти хозяйства въ свое распоряженіе, оно сумѣетъ расширить и возвысить проведенныя въ нихъ усовершенствованія. И будетъ оно совершенствовать эти хозяйства уже въ интересахъ всего общества.

5. Прибыль на капиталъ и земельная рента.

Промышленный предприниматель затрачиваетъ извѣстной величины капиталъ на устройство фабрики или завода: на постройку доменной печи или фабричныхъ зданій, амбаровъ и складовъ, на пріобрѣтеніе и установку машинъ, на топливо, на сырой матеріалъ, на наемъ рабочихъ и служащихъ.

Если предпріятіе устроено правильно, оно будетъ ежегодно приносить на затраченный капиталъ прибыль, среднюю для данной отрасли промышленности. И всѣ предпріятія этой отрасли будутъ приносить прибыль, не сильно отклоняющуюся отъ средней прибыли для всей крупной промышленности вообще.

Если бы прибыль въ какой-нибудь промышленной отрасли надолго понизилась ниже средней величины,—составляла бы, скажемъ, 6 процентовъ вмѣсто обычныхъ 8,—новые капиталы не пошли бы въ эту отрасль, и накопляемые въ ней самой капиталы стали бы уходить въ другія отрасли. Размѣры производства отъ этого сократятся, количество товаровъ, выпускаемыхъ на рынокъ, уменьшится, цѣны пойдутъ

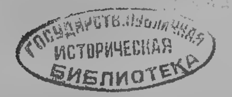
въ гору, прибыль станетъ повышаться. Такъ продолжится до тѣхъ поръ, пока прибыль не достигнетъ уровня, близкаго къ среднему уровню для всей промышленности.

Если бы прибыль въ какой-нибудь отрасли промышленности поднялась выше средняго уровня, къ ней начнутъ приливать свободные капиталы изъ другихъ отраслей, да и въ ней самой будетъ происходить ускоренное накопленіе капитала, который изъ нея не пойдетъ въ другія отрасли, а станетъ находить въ ней примѣненіе для себя. Производство этой отрасли начнетъ ускоренно расширяться, количество товаровъ, выпускаемыхъ на рынокъ, станетъ увеличиваться, цѣны ихъ будутъ падать. Произойдетъ пониженіе прибылей до уровня, близкаго къ среднему для всей промышленности.

Если предприниматель примѣняетъ на своей фабрикѣ усовершенствованіе, сокращающее издержки производства и доступное ему одному, онъ, разумѣется, будетъ получать прибыль выше средней величины. Если другіе предприниматели не могутъ использовать этого усовершенствованія, такъ какъ оно ограждено патентомъ, они постараются ввести другія изобрѣтенія и усовершенствованія, которыя привели бы къ тому же результату: къ уменьшенію издержекъ производства меньшей растратой сырого матеріала, уменьшеніемъ числа рабочихъ, необходимыхъ для производства такого-то количества товаровъ, сокращеніемъ того времени, въ теченіе котораго изготовляемый продуктъ находится въ работѣ. Стремленіе повысить свою прибыль выше средней величины заставляетъ каждаго предпринимателя итти на дополнительныя затраты, сопряженныя со введеніемъ новыхъ машинъ или новыхъ усовершенствованій въ производственные пріемы.

Средняя прибыль на затраченный капиталъ, это—все, что требуется для существованія и развитія какъ единичнаго капиталистическаго предпріятія, такъ и всего капиталистическаго общества въ цѣломъ. Изъ средней прибыли предприниматель покрываетъ свои личные расходы на себя и семью; за вычетомъ этихъ расходовъ у него получается остатокъ, который онъ накопляетъ: употребляетъ на расширеніе своего предпріятія, на усовершенствованіе его оборудованія, на введеніе такихъ способовъ производства, которые обѣщаютъ повышеніе барышей.

Въ этомъ отношеніи между капиталистическимъ предпріятіемъ въ промышленности и въ земледѣліи нѣтъ никакой разницы. Для нормальнаго существованія и развитія крупнаго капиталистическаго предпріятія въ земледѣліи тоже требуется только средняя прибыль на капиталъ, затраченный на возведеніе сельскохозяйственныхъ построекъ, на пріобрѣтеніе орудій и машинъ, минеральныхъ удобреній, на сѣмена, на наемъ служащихъ и рабочихъ. Но, пожалуй, въ нѣкоторое отличіе отъ промышленности, эта средняя прибыль должна получаться не ежегодно, а лишь въ общемъ выводѣ за небольшой рядъ лѣтъ. Далѣе, какъ разъ въ виду колебаній урожайности изъ году въ годъ, опредѣляемыхъ засушливостью или дождливостью лѣта и т. д., слѣдовательно, въ виду большаго риска, капиталъ, примѣняемый въ земледѣліи, получаетъ здѣсь прибыль нѣсколько больше величины, обычной для про-

мышленности. Такой прибыли вполнѣ достаточно и для покрытія всѣхъ расходовъ земледѣльческаго предпринимателя на его личныя потребности, и на тѣ затраты, которыя время отъ времени требуются для расширенія и усовершенствованія предпріятія.

Если капиталистическій предприниматель получаетъ среднюю прибыль на затраченный капиталъ, то общее *количество* получаемой имъ прибыли возрастаетъ, вообще говоря, лишь вслѣдствіе накопленія: вслѣдствіе того, что предприниматель не проѣдаетъ всѣхъ своихъ барышей, а часть ихъ затрачиваетъ на устройство новыхъ шахтъ, на пріобрѣтеніе новыхъ машинъ, на наемъ дополнительныхъ рабочихъ. Коротко говоря, общее количество получаемой прибыли увеличивается благодаря тому, что часть полученныхъ барышей присоединяется къ уже затраченному капиталу, идетъ на расширеніе и усовершенствованіе предпріятія.

Положеніе съ капиталистическимъ предпріятіемъ въ земледѣліи совершенно иное. Прибыль на затраченный капиталъ составляетъ только нѣкоторую долю дохода, получаемаго земледѣльческимъ предпринимателемъ. Значительную и быстро растущую долю составляетъ доходъ за голое право собственности на землю: за то, что предприниматель и его предки назвали большія пространства земли своею землею, и современное общество всѣми своими силами, всей своей властью поддерживаетъ ихъ притязанія на доходы съ этой земли.

Предположимъ, что около какой-нибудь Ивановки Московской губерніи лѣтъ 40 тому назадъ былъ Петровъ, крупный земельный собственникъ, и что тогда не было желѣзной дороги черезъ Ивановку. Петровъ собиралъ много сѣна, держалъ много скота, имѣлъ собственныя пашни и получалъ много ржи, овса и картофеля. Да вотъ доставить-то все это въ Москву было трудно, а на мѣстѣ цѣны на все стояли самыя низкія: ведро молока 20 коп., пудъ сѣна—15 коп., картофель—четвертакъ за мѣшокъ и т. д. Десятина земли давала какую-нибудь пятитку чистаго дохода, и землевладѣлецъ готовъ былъ развязаться съ землей по низкой цѣнѣ: 60—75 руб. десятина.

Но 15 лѣтъ тому назадъ прошла желѣзная дорога черезъ Ивановку. Не Петровъ строилъ ее, не Петровъ давалъ средства на ея постройку. Строили ее тысячи крестьянъ, малоземельемъ выгнанныхъ изъ Смоленской губерніи въ поискахъ за посторонними заработками. Тысячи рабочихъ добывали руду и каменный уголь, на заводахъ превращали ихъ въ чугунъ, сталь и желѣзо, дѣлали рельсы, вагоны и паровозы. И средства на постройку произвели тысячи крестьянъ и рабочихъ, у которыхъ государство отняло часть произведеннаго ими посредствомъ податей и налоговъ. Трудовой людъ построилъ желѣзную дорогу и доставилъ средства, на которыя она строилась. И трудовой же людъ создалъ тѣ города, въ которыхъ тысячи рабочихъ производятъ для всей страны ситецъ и сукно, одежду и обувь, желѣзо и гвозди, орудія и машины. Трудовой людъ создалъ тѣ города, которые нуждаются въ громадномъ количествѣ деревенскихъ продуктовъ, какъ деревня нуждается въ продуктахъ крупной промышленности. Значитъ, весь трудовой людъ,

все общество создало тѣ условія, при которыхъ желѣзныя дороги сдѣлались необходимыми, и при которыхъ постройка желѣзныхъ дорогъ стала возможной.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги черезъ Ивановку разомъ наступаетъ полный переворотъ. Цѣны всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ выравниваются по московскимъ цѣнамъ: удваиваются и утраиваются. Пусть Петровъ не произвелъ никакихъ измѣненій въ своемъ хозяйствѣ: пусть у него осталось прежнее количество прежнихъ плуговъ и боронъ, пусть сѣмена и скотъ все такіе же, какъ въ прежнее время. Значитъ, Петрову не приходится дѣлать дополнительныхъ затратъ капитала, издержки производства почти нисколько не выросли. И тѣмъ е менѣе доходность земли выростетъ въ нѣсколько разъ, и выростетъ единственно по той причинѣ, что все общество, сдѣлавъ крупный шагъ впередъ въ своемъ экономическомъ развитіи, признало необходимымъ провести и провело желѣзную дорогу черезъ Ивановку.

Избытокъ доходности сверхъ средней прибыли на затраченный капиталъ составляетъ въ данномъ случаѣ *земельную ренту*. Для существованія, расширенія и усовершенствованія хозяйства этотъ избытокъ совершенно ненуженъ: всѣ дополнительныя затраты капитала, необходимыя для хозяйства, покрываются изъ средней прибыли на затраченной капиталъ. Земельный собственникъ можетъ промотать этотъ избытокъ,— можетъ купить на него акціи промышленнаго предпріятія: способъ употребленія земельной ренты не оказываетъ никакого вліянія на земледѣльческое хозяйство.

Земельная рента—вознагражденіе не за какую-нибудь экономически полезную дѣятельность, не за какія-нибудь затраты, произведенныя собственникомъ: это—дань, взимаемая имъ съ общества только за то, что онъ признается собственникомъ, и только потому, что, благодаря труду милліоновъ людей, общество растетъ, развивается. Земельная рента—дань, налагаемая земельными собственниками на каждый шагъ общественнаго развитія.

Съ величайшей ясностью обнаруживается это въ тѣхъ случаяхъ, когда крупный земельный собственникъ не ведетъ собственнаго хозяйства, а сдаетъ землю въ аренду. Здѣсь онъ не несетъ никакого труда и не затрачиваетъ никакихъ средствъ на орудія, сѣмена, наемъ рабочихъ, вообще на организацію производства. Въ томъ, что онъ получаетъ съ земли, нѣтъ прибыли на капиталъ, а есть только земельная рента, непомѣрно раздутая вслѣдствіе безвыходнаго положенія крестьянъ-арендаторовъ.

Уничтожить частную собственность на землю, это значитъ передать въ распоряженіе всего общества земельную ренту, создаваемую и постоянно растущую вслѣдствіе неустаннаго труда десятковъ милліоновъ людей.

Это значитъ отнять у тунеядцевъ возможность тормозить общественное развитіе, это значитъ получить громадный новый источникъ средствъ, которыя дадутъ мощную опору быстрому развитію общества.

6. Что мѣшаетъ національзаціи земли?

Въ настоящее время никто открыто не споритъ противъ того, что вся земля должна возвратиться къ народу.

Народъ долженъ скорѣе отобрать земли у церквей и монастырей. Если упустить время, помѣщики и вообще собственники опять сумѣютъ подчинить себѣ армію, опять заставятъ солдатъ стрѣлять въ крестьянъ, домогающихся лучшей доли, опять хитро и незамѣтно создадутъ полицію, которая станетъ исполнять господскія приказанія и защищать господскіе интересы. Опять выступитъ бѣлое и черное духовенство со своими епископами и архіепископами, и вся эта черная рать ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы повернуть все назадъ, чтобы опять отобрать у народа всѣ завоеванія революціи.

Уничтоживъ царскую власть, народъ уже уничтожилъ собственность царя и его семьи на огромныя пространства земли, которую царь, его семья и ихъ предки привыкли называть своею землей. Но и здѣсь не слѣдуетъ медлить. Не упуская времени, уже давно слѣдовало бы объявить, что вся власть перешла къ народу, что онъ самъ взялъ свои судьбы въ свои руки: что Россія стала демократической республикой. Точно такъ же прошло уже достаточно времени для того, чтобы *распорядиться* въ интересахъ народа со всѣми церковными и монастырскими землями, а также съ кабинетскими, удѣльными и бывшими дворцовыми имѣніями и землями, т. е. съ имуществомъ, которое до революціи Романовы считали своею землей.

Весь народъ высказался за то, чтобы всю власть въ государствѣ взять въ свои руки, и за то, чтобы взять себѣ землю. Но господа умѣло ведутъ время и до сихъ поръ настаиваютъ на томъ, чтобы и съ властью и съ землей народъ подождалъ до учредительнаго собранія. И дѣлаютъ они все возможное для того, чтобы на долгое время оттянуть созывъ учредительнаго собранія и, пользуясь передышкой, сбить съ толку народъ: натравить его противъ тѣхъ, кто съ величайшей рѣшительностью отстаиваетъ народные интересы,—противъ революціонной соціалъ-демократіи.

Народъ не хочетъ дольше терпѣть, чтобы тунеядцы, не ударяя пальцемъ о палецъ, присвоивали себѣ то, что создано и создается работой всего трудового общества: чтобы они отбирали въ свою пользу тѣ выгоды, которыя для новыхъ и новыхъ мѣстностей создаются ростомъ промышленности, развитіемъ большихъ городовъ, проведеніемъ шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Народъ не хочетъ дольше терпѣть, чтобы частные собственники земли взимали въ свою пользу дань съ тѣхъ, кто эту землю намѣренъ воздѣлать.

Здѣсь тоже слѣдуетъ торопиться. Помѣщики, которые въ мартѣ притихли, теперь начали шевелиться. Они быстро создаютъ организаціи и еще быстрѣе отыскиваютъ для себя союзниковъ. Собственники уже успѣли добиться того, что у солдатъ шагъ за шагомъ отбираютъ поли-

тическую свободу, что ихъ запугиваютъ и застращиваютъ. Они уже успѣли добиться того, что солдатъ *силою* принуждаютъ къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ и воспрещаютъ ставить вопросъ, какими народными интересами можно оправдать эти дѣйствія. Солдатамъ уже теперь, подъ угрозою наказаній, воспрещается читать тѣ газеты, которыя съ величайшей рѣшительностью отстаивали и отстаиваютъ народные интересы. Солдатъ уже теперь заставляютъ, не разсуждая, итти туда, куда прикажутъ имъ командиры. А мало ли среди командировъ людей, которые ни передъ чѣмъ не остановятся, только вырвать бы у народа завоеванную имъ землю и власть.

Не надо же медлить! Надо быстро и ясно сказать, что вся земля народомъ уже завоевана. И надо сдѣлать такъ, чтобы вся земля къ народу немедленно перешла.

Какъ ни измѣнялся составъ временнаго правительства, крупные собственники всегда оказывали на него рѣшающее вліяніе. За ихъ убѣжденіями было больше настойчивости и силы, чѣмъ за убѣжденіями соціалистическихъ министровъ или министровъ, представлявшихъ совѣты крестьянскихъ депутатовъ. Такъ и вышло, что по вопросу о землѣ временное правительство за шесть мѣсяцевъ не сдѣлало ничего. А въ іюлѣ господа искусно использовали пораженіе на фронтѣ, виновенъ въ которомъ исключительно высшій командный составъ; они повернули дѣло такимъ образомъ, что солдатъ, больше всего пострадавшихъ отъ пораженія, оклеветали и оболгали и начали скручивать безъ всякой пощады, а весь народъ заставили забыть о своихъ внутреннихъ дѣлахъ: о власти и о землѣ, и отдать войнѣ все вниманіе, всѣ свои силы. Они достигли того, что получилась такая картина, какъ будто подавляющее большинство русскихъ крестьянъ и рабочихъ всѣми силами стали поддерживать россійскихъ и союзническихъ виновниковъ войны и ея продолженія и затягиванія. Они достигли того, что россійская революція перестала оказывать прежнее революціонное дѣйствіе на крестьянъ и рабочихъ въ Англіи и Германіи. Они добились того, что повсюду придушили борьбу противъ войны. И добились они отсрочки учредительнаго собранія и длинной оттяжки съ передачей народу господской земли.

Ничего не было сдѣлано временнымъ правительствомъ для того, чтобы передать народу завоеванную имъ землю. Слишкомъ сильно было вліяніе господъ на это правительство. Если бы только можно было направить солдатъ противъ крестьянства, господа уже давно послали бы карательныя экспедиціи на деревню.

Деревня чувствовала, что тянуть время нельзя, что, если его упустить, то можно остаться на ближайшій годъ безъ хлѣба, а народъ на долгое время останется безъ земли. Если бы правительство еще въ мартѣ-апрѣлѣ ясно и опредѣленно сказало, какъ народъ долженъ возвратить себѣ землю, все пошло бы стройно и организованно: крестьянство повсемѣстно знало бы, какъ надо распорядиться съ удѣльными, монастырскими и помѣщичьими лѣсами и образцовыми хозяйствами, что дѣлать съ пастбищами и другими угодьями.

Но временное правительство только издавало безсильные приказы противъ „самовольныхъ“ захватовъ и ничего не дѣлало для того, чтобы эти захваты замѣнились стройнымъ, организованнымъ, общественнымъ переходомъ земли отъ теперешнихъ собственниковъ къ народу. Положеніе помѣщиковъ оставалось такимъ же, какъ было раньше. Они хотѣли сдавать земли въ аренду крестьянамъ по старымъ и даже по вздутымъ цѣнамъ. Они хотѣли по-прежнему ѣздить на народномъ горбѣ.

Положеніе получалось отчаянное. Уже послѣ прошлаго года у насъ осталось мало хлѣбныхъ запасовъ. Сопротивленіе помѣщиковъ повело бы къ тому, что въ нынѣшнемъ году произошло бы огромное сокращеніе запашекъ. „Самовольныя“ дѣйствія деревни отчасти выручили страну. Крестьяне правильно увидали, что помѣщичья собственность уже уничтожена: теперь нѣтъ такихъ судовъ, арміи и полиціи, которые стали бы защищать помѣщичью собственность отъ крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ крестьяне не допустили, чтобы земля пустовала изъ-за несговорчивости помѣщиковъ. Они вспахали и засѣяли для себя эту землю. Это-то и называется „самовольными захватами“. И такихъ захватовъ было бы безконечно больше, аграрное движеніе уже давно развернулась бы много шире, если бы деревня до такой степени не обезлюдѣла, если бы война не отвлекла отъ нея такого огромнаго количества рабочихъ силъ.

Но это—не выходъ, не то общегосударственное рѣшеніе, котораго требуетъ земельный вопросъ.

Пока народъ не объявилъ упраздненія частной собственности на землю, всегда остается опасность, что крупные земельные собственники воспользуются своими доходами и, организовавшись, отберутъ у народа всѣ его завоеванія, возстановятъ старое государство.

Пока не поздно, надо скорѣе покончить съ этой угрозой. И незачѣмъ для этого ждать до учредительнаго собранія. Избранное всѣмъ народомъ, учредительное собраніе утвердитъ переходъ всей земли къ народу, утвердитъ то, что называется ея *національзаціей* (національзація земли—уничтоженіе частной собственности на землю, превращеніе ея въ общегосударственное достояніе).

Тогда не отберутъ у народа и завоеванныхъ имъ политическихъ правъ. Защищая землю, крестьянинъ будетъ защищать и тотъ политическій строй, который вырвалъ землю у помѣщиковъ.

7. Сохранились ли теперь дѣйствительныя силы, которыя могли бы воспрепятствовать переходу всей земли къ народу?

I.

Исторія всегда шла такимъ образомъ: люди сначала дѣлали, и только потомъ начинали понимать, что они сдѣлали. И всегда такъ бывало: своими дѣйствіями, сами того не замѣчая, люди уничтожали старый общественный строй, создавали новое общество, и только спустя долгое время догадывались, что старое общество уничтожено.

Бывало такъ, что проходили многія столѣтія,—и только тогда человѣчество начинало осмысливать свою прошлую исторію. Было ли у мелкаго русскаго дворянства второй половины 16-го вѣка ясное представленіе о томъ, что оно, поддерживая Ивана 4-го Грознаго, наноситъ удары всему строю московской Россіи? Для этихъ дворянъ все дѣло сводилось къ ближайшимъ непосредственнымъ интересамъ самаго мелкаго и личнаго свойства. А изъ ихъ дѣйствій, безъ вѣдома для нихъ, сковывалось новое общество.

Или возьмемъ хотя бы эпоху первой французской революціи (около 130 лѣтъ тому назадъ). Конечно, люди того времени схватывали, изъ-за чего идетъ политическая борьба,—но схватывали только въ самыхъ общихъ чертахъ. А по временамъ они какъ будто начинали дѣйствовать и безъ такого общаго представленія объ общественной цѣли своихъ дѣйствій. Такъ и случилось, что для ученѣйшихъ историковъ буржуазіи французская революція на долгое время превратилась въ какой-то примѣръ массоваго сумасшествія. Сначала одни сумасшедшіе честолюбцы брали верхъ и отправляли побѣжденныхъ на гильотину (особая машина, которою приговореннымъ къ смертной казни отрубали головы), потомъ у нихъ появлялись новые противники, такіе же сумасшедшіе честолюбцы, усиливались, одерживали побѣду и давали новую работу ножу гильотины. И во всей этой сумасшедшей безсмыслицѣ для буржуазныхъ историковъ долгое время не было никакого общественнаго смысла.

Человѣчество много теряло отъ того, что люди не понимали, что складывается и сложится изъ ихъ дѣйствій. Если бы они дѣйствовали сознательно, сберегалось бы, не было бы растрачено понапрасну большого количества силъ, и они могли бы достигнуть большаго, чѣмъ въ дѣйствительности достигали.

Выходило и еще хуже. Люди ставили передъ собой опредѣленную цѣль, работали, боролись для ея достиженія. Вслѣдствіе ихъ борьбы, складывалась самая благопріятная обстановка: стоило только сказать, что препятствія, стоявшія на пути къ цѣли, уже устранены. Значитъ, стоило только понять людямъ, что цѣль уже достигнута,—и оставалось бы взять достигнутое и потомъ ставить новыя цѣли, итти дальше.

Но вмѣсто того люди топтались на мѣстѣ, убѣждали самихъ себя и другихъ, что старыя препятствія сохранились и создались новыя, запугивали себя и другихъ тѣми трудностями, которыя будто бы еще отдѣляютъ отъ цѣли стремленій, и которыя, по ихъ убѣжденію, непомѣрно возрастутъ, если люди осмѣлятся просто протянуть руку и взять то, что ими уже достигнуто.

Время шло, разбитые и ошеломленные противники приходили въ себя, оправлялись, проникались величайшей смѣлостью отъ великой несмѣлости своихъ враговъ, собирались съ силами, переходили въ наступленіе и, возстановивъ старое, говорили: „Конечно же, ничего не случилось! Цѣль не была достигнута,—и никогда не будетъ достигнута".

И побѣжденные скручивались побѣдителями сильнѣе, чѣмъ были скручены раньше, и начинали вѣрить, что къ цѣли они не приближались и никогда не приблизятся.

II.

Владѣніе № 10 по Варфоломеевской улицѣ принадлежитъ мнѣ. Мои всѣ дома, амбары и сараи въ этомъ владѣніи, мои всѣ деревья и даже воздухъ надъ этимъ владѣніемъ. Мое все, что находится въ немъ на землѣ и подъ землею.

У меня на этотъ домъ, купленный у Иванова, имѣются всѣ необходимые документы: планы, купчія крѣпости съ надлежащими подписями и печатями нотаріусовъ, чиновниковъ и правительственныхъ учрежденій.

И когда прошлымъ лѣтомъ я увидалъ, что какой-то хитровецъ приспособился къ ночи подъ ветлой сада, мой дворникъ отвелъ его въ участокъ: пусть впередъ поостережется пользоваться моей собственностью безъ моего разрѣшенія.

Хитровца выдержали въ участкѣ нѣсколько сутокъ и такимъ образомъ внушили этому опустившемуся человѣку уваженіе къ моей собственности и къ собственности вообще.

Каждый разъ, какъ настаетъ 1-ое число, я получаю плоды своей собственности: плату, вносимую всѣми квартирантами. А когда въ прошломъ году квартирантъ № 81 просрочилъ и, хотя мой управляющій много разъ посылалъ къ нему старшаго дворника, не уплатилъ, я привелъ въ движеніе суды и полицію. За то, что № 81 не уважалъ моей собственности,—у него въ это время не было заработка,—полиція и суды заставили его разстаться кое съ чѣмъ изъ своей собственности.

Возможно, я скоро продамъ домъ Петрову, который даетъ хорошую цѣну. Мы пойдемъ къ нотаріусу, распишемся въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ. Петровъ передастъ мнѣ деньги, мы совершимъ купчую, и всѣ крѣпостные акты, и всѣ планы на владѣніе перейдутъ къ нему.

И это—все, что требуется для того, чтобы мое право собственности на владѣніе № 10 перешло къ Петрову. Съ этого времени уже онъ будетъ приводить въ движеніе суды и полицію, а въ случаѣ необходимости и войско, чтобы отстоять свои права отъ всѣхъ, кто отказывается считаться съ его правомъ собственности.

Я съ полной увѣренностью въ своей правотѣ позволяю пользоваться моей собственностью только тѣмъ, кто согласится платить мнѣ за пользованіе такую сумму, которую я считаю справедливой. Общество не могло бы существовать, если бы не признавало и не охраняло нашей собственности. Кто тогда сталъ бы строить дома? И на какія средства стали бы строить дома?

Я далеко не проживаю всѣхъ доходовъ со своего владѣнія. Каждый мѣсяцъ я откладываю хорошую сумму въ банкъ. Три года тому назадъ, когда накопился достаточный капиталъ, я надстроилъ третій и четвертый этажи, въ которыхъ теперь живутъ квартиранты за №№ 101-140. Такимъ образомъ я далъ жилье еще двумъ-тремъ сотнямъ людей. Куда они подѣвались бы, если бы я время отъ времени не строилъ новыхъ домовъ?

Плата съ квартирантовъ, это—вознагражденіе за управленіе домами и за то, что я не промоталъ деньги, а накопилъ ихъ и на накопленное построилъ дома.

Сегодня мнѣ приснился отвратительный сонъ. Мнѣ снилось, будто я уже продаю свой домъ Петрову. И пошли мы съ нимъ къ нотаріусу, и разсказали, въ чемъ дѣло. А онъ сдѣлалъ насмѣшливое лицо и слегка свиснулъ. „Да вы что, батенька, развѣ не знаете, что всѣ земли и дома въ городахъ уже перешли къ городамъ?“ — „Какъ такъ?“ — „Да такъ, что вы ужъ не собственникъ“.

И пошли мы тогда къ адвокату. Онъ самъ выскочилъ къ намъ въ пріемную,—обрадовался: онъ привыкъ получать отъ насъ выгодныя дѣла. А какъ узналъ, зачѣмъ мы пришли, раздраженно и кисло нахмурился: „Да вы съ луны свалились, что-ли? Вѣдь вся земельная и домовая собственность въ городахъ уничтожена.“ Здѣсь я не выдержалъ и вскипѣлъ: „Вы что пустяки-то мнѣ говорите! Земля у меня какъ была, такъ и осталась, и дома цѣлехоньки стоятъ на своемъ мѣстѣ. А вы говорите: собственность уничтожена!“ — „Все осталось по-прежнему, да вотъ все это принадлежитъ теперь не вамъ, а всему городскому населенію. Вотъ, смотрите,—онъ показалъ на большой шкафъ, набитый большими связками бумагъ въ зеленыхъ обложкахъ,—всѣ эти дѣла я началъ вести въ послѣдніе мѣсяцы, по нѣкоторымъ получилъ авансы, а за другія долженъ былъ получить гонораръ по окончаніи. И всѣ ихъ теперь—вотъ куда“. И онъ озлобленно сталъ бросать бумаги въ каминъ.

Я вернулся домой. Вспомнилъ, что уже мѣсяцъ не платитъ № 139. Пошелъ самъ къ нему,—онъ давно живетъ у меня. Спрашиваю: „когда же уплатите?“ —„Да я уже уплатилъ.“ — „Какъ такъ? У васъ не уплачено за прошлый мѣсяцъ, а теперь потрудитесь уплатить и за новый“.— „Все сдѣлано! Не угодно ли посмотрѣть, хотя это васъ не касается.“ Покопался въ столѣ и досталъ какую-то квитанцію: „Уплачено въ городскую управу за апрѣль 1917 г.“—и уплачено что-то много меньше, чѣмъ раньше онъ платилъ мнѣ.

Вскипѣлъ я, но сдержался, а уязвить мнѣ его хотѣлось.—„Ну, что жъ, говорю я, ладно. Въ такомъ случаѣ не ждите отъ меня, чтобы я присоединилъ васъ въ водопроводу и канализаціи.“ А онъ отвѣчалъ: „Да я и не жду ничего отъ васъ. Канализація и водопроводъ уже въ квартирѣ имѣется, и электричество, и газовая кухня, и каждый день по три раза по трубамъ подается подогрѣтая вода“.—„Да кто же, говорю, это сдѣлалъ и на какія средства?“ А онъ такъ гадко расплылся въ радостную улыбку и говоритъ: „Городъ! На тѣ самыя средства, которыя онъ собираетъ съ насъ за квартиры“. Тутъ я упалъ духомъ. Ну, думаю, ежели городъ прикарманилъ эти средства, онъ ужъ найдетъ, на что строить новые дома и содержать ихъ въ отмѣнномъ порядкѣ.

Я живу у себя въ домѣ. Пришелъ къ себѣ,—а тамъ извѣщеніе: „Вы не уплатили квартирныхъ денегъ за апрѣль... Если не внесете къ такому-то сроку, будете выдворены съ квартиры“. Нѣтъ, думаю, шалишь! Этого еще свѣтъ не видалъ и не увидитъ, чтобы домовладѣльца выселяли изъ его дома. Мы найдемъ на тебя управу! А на кого,—и самъ

не знаю. Схватилъ шапку, рѣшилъ итти къ участковому приставу,— друзья мы съ нимъ, я у него ребятъ крестилъ. А онъ самъ пришелъ,— хмурый, мрачный. „Ну, кумъ, говоритъ, послѣднія времена наступили. Меня вышвырнули со службы. А тебя завтра же выселятъ съ квартиры“. Я закричалъ: „караулъ, грабятъ!“ и отъ этого крика проснулся.

III.

Кому принадлежитъ теперь земля въ Россіи? Кто скажетъ это?

Земля принадлежитъ тому, кто назоветъ землю своею землей и окажется достаточно сильнымъ, чтобы заставить уважать свою волю.

Про земли, которыя семья Романовыхъ называла своими землями, нечего говорить. Пока они повелѣвали полиціей, судьями и войсками, всякая земля, которую они называли своей, становилась ихъ землей и оставалась ихъ землей до марта 1917 года.

Съ марта романовская полиція уничтожена, романовская армія превратилась въ народное войско, судьи перестали считаться съ романовскими законами.

Если кто-нибудь скажетъ, что романовскіе дворцы, театры, музеи такъ и остались романовскими, надъ нимъ посмѣются,—и только. Все это перешло къ народу, на все это Романовы утратили право собственности, и изъ доходовъ отъ всѣхъ своихъ бывшихъ владѣній Романовы получатъ на свое содержаніе только то, что дастъ имъ временное правительство, пока оно существуетъ.

Таково же положеніе церковныхъ и монастырскихъ земель. Чувствуя, что дѣло тутъ безнадежно, церкви и монастыри кое-гдѣ уже объявляютъ объ отказѣ отъ этихъ земель, которыя всѣ перестали считать ихъ собственностью. И доходы отъ нихъ, какъ отъ бывшихъ романовскихъ земель, тоже должны перейти къ народу, ко всему обществу.

Но вотъ передъ помѣщичьими, вообще передъ такъ называемыми частно-владѣльческими землями, всѣ ежатся и сжимаются, конфузливо опускаютъ глаза и боятся сказать правду, въ какомъ онѣ положеніи.

Во многихъ мѣстахъ крестьяне запахали оставшіяся незасѣянными помѣщичьи поля. Если все и дальше пойдетъ такъ, какъ шло въ мартѣ-апрѣлѣ, крестьяне уберутъ къ себѣ урожай съ этихъ полей. Къ осени крестьяне во многихъ мѣстахъ засѣютъ помѣщичьи поля озимыми хлѣбами тоже для себя. И засѣютъ столько, на сколько хватитъ у нихъ рабочихъ силъ и рабочаго скота.

Но помѣщики пока и не думаютъ обращаться съ жалобами по этимъ дѣламъ къ своимъ адвокатамъ. Всякій адвокатъ сострадательно пожалъ бы плечами и отвѣтилъ бы, что у него уже есть много земельныхъ дѣлъ съ крестьянами, благополучно для помѣщиковъ законченныхъ еще въ январѣ-февралѣ. Но ни крестьяне не тревожатся состоявшимися судебными рѣшеніями, ни помѣщики не радуются благополучному окончанію дѣлъ: нѣтъ такой общественной власти, которая согласилась бы привести состоявшіяся рѣшенія въ исполненіе. И многіе адвокаты, если бы заставить ихъ вдуматься въ положеніе, признались

бы, что, если и не бросаютъ пока въ печку блестяще проведенныхъ ими помѣщичьихъ дѣлъ, то лишь въ надеждѣ, что въ положеніи можетъ наступить поворотъ: помѣщики оправятся, соберутся съ силами, сумѣютъ многое повернуть назадъ, раздавятъ революцію и опять заставятъ новую государственную власть, которую они создадутъ, или старую власть, которую они возстановятъ, служить ихъ интересамъ.

Въ январѣ-февралѣ во многихъ мѣстахъ Россіи состоялись свирѣпые судебные приговоры. Царскіе судьи приговорили десятки людей въ ссылку на поселеніе и на каторгу за то, что они боролись противъ царской власти и принадлежали къ соціалъ-демократической партіи, которая всегда стремилась къ насильственному измѣненію государственнаго строя.

Съ первыхъ чиселъ марта губернаторы пріостановили отправку въ ссылку и на каторгу этихъ „преступниковъ", уже приговоренныхъ судами и лишенныхъ всѣхъ правъ. Но губернаторы не выпускали ихъ изъ тюремъ. Они выжидали, каковъ будетъ окончательный исходъ народнаго возстанія. Его полное торжество возстановило вчерашнихъ политическихъ преступниковъ во всѣхъ правахъ, а многихъ губернаторовъ, тюремщиковъ, полицейскихъ и судей, охранявшихъ царскую власть всякими средствами, посадило въ тюрьму и посадитъ на скамью подсудимыхъ. Когда пришли приказы временнаго правительства объ освобожденіи всѣхъ политическихъ заключенныхъ, когда власти на мѣстахъ и генералы въ арміи убѣдились, что народъ и солдаты будутъ слушаться этихъ приказовъ, а не приказовъ властей, поставленныхъ Николаемъ Романовымъ, они прекратили всякое открытое сопротивленіе и сдѣлали видъ, что подчиняются правительству, созданному революціей.

Старое право стало безправіемъ, царскій законъ превратился въ беззаконіе просто потому, что подавляющее большинство народа отказалось ему подчиняться. Революція просто отмѣнила старое право, уничтожила старый законъ.

Такое же положеніе сложилось теперь и съ частно-владѣльческими землями. Если бы помѣщикъ, отстаивая свое право собственности на эти земли, „самовольно" засѣянныя крестьянами, сталъ метаться отъ адвоката къ комиссарамъ милиціи, а потомъ попросилъ содѣйствія у начальника мѣстной войсковой части, онъ убѣдился бы, что его право собственности на землю превратилось въ чисто бумажное право, не стоитъ выѣденнаго яйца. И если бы онъ, въ особенности послѣ того, какъ временное правительство воспретило земельныя сдѣлки, сталъ разыскивать покупателей на свои вчерашнія земли, чтобы сбыть ихъ почти за безцѣнокъ, онъ увидалъ бы, что уже никто не вѣритъ въ его право распоряжаться этими землями. Нотаріусы отказали бы ему въ составленіи запродажной, въ совершеніи купчей крѣпости. Пусть всѣ планы и всѣ документы на владѣніе остаются въ полномъ порядкѣ. Они утратили всякую силу, потому что уничтожена та государственная власть, которая только и обезпечивала исполненіе того, что сказано въ этихъ бумагахъ.

Помѣщикъ уже пересталъ быть собственникомъ земли, которую онъ еще вчера называлъ своею землею. Но земля эта еще не объявлена собственностью всего общества. Это надо сдѣлать скорѣе, это надо сказать во всеуслышаніе.

Во многихъ городахъ политическихъ заключенныхъ освободили раньше, чѣмъ пришли приказы временнаго правительства изъ Петербурга. Но пока не появились эти приказы, оставался нерѣшеннымъ вопросъ, не будутъ ли они черезъ день-другой опять отправлены въ тюрьмы, какъ преступники. А когда пришелъ приказъ, стало ясно, что требуется полный государственный переворотъ для того, чтобы отправить ихъ въ тюрьму: требуется убить десятки и сотни тысячъ революціонныхъ солдатъ, требуется залить улицы городовъ кровью рабочихъ, требуется уничтожить временное правительство и всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя получили свою власть отъ революціи: только послѣ того и стало бы возможнымъ опять засадить въ тюрьмы политическихъ заключенныхъ, которыхъ народное возстаніе освободило изъ тюремъ.

Пока временнымъ правительствомъ не объявлено, что право на всѣ земли перешло къ народу, помѣщичья собственность не уничтожена, а просто какъ-бы заснула: заснула точно такъ же, какъ она начала засыпать въ 1905-6 годахъ. Но этотъ сонъ не есть смерть. Право частной собственности опять можетъ проснуться. И такъ какъ оно не объявлено уничтоженнымъ, несуществующимъ, то будетъ достаточно лишь нѣкотораго измѣненія въ общей обстановкѣ и перемѣнъ въ составѣ высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ,—и опять суды, полиція и войска будутъ свирѣпо отстаивать священное право помѣщика на тѣ земли, которыя онъ называетъ своими землями.

Но если теперь же будетъ объявлено, что всѣ эти земли уже принадлежатъ народу, то *помѣщикамъ* трудновато будетъ отнять ихъ у народа. Потребуется громадный государственный переворотъ, несравненно болѣе глубокій, широкій и кровопролитный, чѣмъ тотъ, послѣ котораго опять удалось бы засадить въ тюрьмы вчерашнихъ государственныхъ преступниковъ.

Вопросъ затемняютъ, дѣло отводятъ отъ прямого пути, когда сюда пристегиваютъ вопросъ о выкупѣ и доказываютъ его необходимость тѣмъ соображеніемъ, что нельзя же пустить по-міру вчерашнихъ помѣщиковъ.

Ясное дѣло, что этотъ вопросъ сюда не относится. Это—маленькая часть огромнаго вопроса о помощи всѣмъ неспособнымъ къ труду, объ ихъ общественномъ призрѣніи.

И такъ же запутываютъ вопросъ тѣ, кто запугиваетъ, будто возвращеніе отъ помѣщиковъ земель, нѣкогда захваченныхъ помѣщиками, внесетъ великую разруху во всѣ разсчеты банковъ, во всю промышленность и торговлю, если оно будетъ произведено безъ всякаго выкупа.

Ясное дѣло, что и этотъ вопросъ сюда не относится. И этотъ вопросъ—только небольшая часть общаго и огромнаго вопроса: какъ

справиться съ великой разрухой, которую произвела война, а теперь усиливають фабриканты и заводчики, подъ разными предлогами сокращая, а то и совсѣмъ прекращая производство. Какъ справиться съ этими тайными ударами, которые они направляютъ противъ побѣдившей народной революціи и ея дальнѣйшихъ завоеваній.

Не надо давать запутывать себя такими вопросами. Не надо упускать время. Если мы упустимъ его, многія возможности будутъ потеряны безвозвратно.

8. Съ выкупомъ или безъ выкупа? Кто пріобрѣтетъ и кто потеряетъ отъ національзаціи земли?

Съ вопросомъ о выкупѣ за отбираемыя земли безконечно много путаютъ.

Говорятъ: отбирать землю у крупныхъ собственниковъ и оставлять у капиталистовъ заводы и фабрики,—какая же тутъ справедливость?

На этотъ счетъ собственниковъ нетрудно утѣшить. Наступитъ время, когда сохраненіе собственности на промышленный капиталъ, на всѣ фабрики и заводы, сдѣлается общественно столь же вреднымъ, какъ теперешняя частная собственность на землю. Наступитъ время, когда полученіе капиталистами прибыли на затраченный ими капиталъ будетъ представлять такой же ничѣмъ не оправдываемый вычетъ изъ всего, что создается трудовымъ обществомъ, будетъ столь же вредить общественному развитію, не вознаграждая за это никакой пользой, какъ теперь ничѣмъ не оправдывается и приноситъ вредъ обществу полученіе земельной ренты земельными собственниками. Когда это время настанетъ, когда вредъ капиталистической собственности будетъ столь же ясенъ и несомнѣненъ, тогда общество, не уплачивая никакого выкупа капиталистамъ, возьметъ себѣ всѣ фабрики и заводы, созданные трудомъ многочисленныхъ трудовыхъ поколѣній,—какъ теперь оно беретъ себѣ лѣса и воды, поля и луга, политые и утучненные крестьянскими потомъ и кровью.

Уничтоживъ царскую власть, народъ возвратилъ себѣ всѣ доходы, которые царь съ семьей вытягивали изъ страны. Или господа, которые такъ хлопочатъ о помѣщичьихъ интересахъ, хотятъ, чтобы для отставного царя по-прежнему выколачивались изъ страны многіе десятки милліоновъ рублей? Вреденъ царь, вредны помѣщики, вредно полученіе ими доходовъ. Не должно быть царя, не должно быть помѣщиковъ, не должны они получать доходовъ за весь вредъ, причиненный ими народу.

Но, отвѣчаютъ здѣсь намъ, если оставить крупныхъ землевладѣльцевъ безъ выкупа, они обидятся, станутъ вредить и постараются возстановить старое.

Сущіе пустяки! Собственники не будутъ „обижены" только въ томъ случаѣ, если выкупъ сохранитъ за ними неурѣзанными всѣ доходы, какіе они теперь получаютъ, и если у нихъ будетъ возможность передать эти доходы неурѣзанными своимъ наслѣдникамъ.

Но какой же смыслъ будетъ тогда въ передачѣ земли народу? Съ землею онъ получитъ тяжкое бремя, какъ было послѣ 1861 года; пройдетъ много десятилѣтій, пока народъ не раздѣлается съ этимъ бременемъ. Не слѣдуетъ забывать, что новая жизнь и новый политическій строй потребуетъ крупныхъ расходовъ на расширеніе и улучшеніе больничнаго и школьнаго дѣла, на подъемъ земледѣлія и т. д. Народъ долженъ добыть средства на эти расходы. И, если взвалить на него еще выкупъ за земли, его экономическое положеніе не улучшится, а ухудшится. Враги революціи это искусно используютъ и добьются своихъ цѣлей. Массы повернутся спиной къ революціи. Ихъ увѣрятъ, будто революція ухудшила ихъ положеніе. Гдѣ же имъ тогда разобраться, что виновата не революція, которая возвращаетъ имъ земли, а враги революціи, которые надолго заковали народъ въ новыя цѣпи въ видѣ выкупа за эти земли. Желая выкупомъ примирить помѣщиковъ съ революціей, отъ нея оттолкнули бы крестьянскія массы, которыя могли бы послужить ей прочной опорой.

Такой выкупъ, который для народа былъ бы по силамъ и, слѣдовательно, значительно сократилъ бы теперешніе доходы крупныхъ землевладѣльцевъ, все равно „обидѣлъ бы" ихъ, отнюдь не примирилъ бы съ утратой земли. Получивъ кое-что, они постарались бы все получить обратно. Они остались бы ненавистными и озлобленными врагами революціи. Они использовали бы полученныя ими средства для устройства заговоровъ противъ народа, для подкоповъ подъ экономическія и политическія завоеванія революціи. Если бы революція дала помѣщикамъ выкупъ за отобранныя у нихъ земли, это было бы то же самое, какъ будто она вручила помѣщикамъ ножъ, которымъ они расправятся съ нею.

Добрые люди, которые столь усердно заботятся, какъ бы помѣщики не обидѣлись, обѣщаютъ устроить все такимъ образомъ, что крестьянину не придется нести выкупныхъ платежей. Они сулятъ переложить всѣ выкупные платежи за землю на капиталистовъ: на фабрикантовъ, заводчиковъ и тѣхъ, кто стрижетъ купоны отъ процентныхъ бумагъ. Выкупъ будетъ уплаченъ, но онъ ни копейки не потребуетъ отъ крестьянина.

Никакой вѣры мы не можемъ дать подобнымъ рѣчамъ. Если добрые господа такъ боятся обидѣть крупныхъ землевладѣльцевъ, неужели они съ такимъ легкимъ сердцемъ запустятъ руку въ капиталистическіе сундуки? И, если они уже теперь запугиваютъ великими финансовыми и промышленными потрясеніями, которыя, по ихъ увѣреніямъ, наступятъ отъ конфискаціи земли, т. е. отъ передачи ея народу безъ уплаты помѣщикамъ выкупа, какой же крикъ поднимутъ они, когда дѣло дойдетъ до заводчиковъ и фабрикантовъ! Послушать ихъ, такъ выйдетъ, будто Россіи угрожаетъ полная гибель, если тунеядцы не получатъ выкупныхъ платежей за земли, которыя они привыкли называть своими землями. При первой попыткѣ серьезно обложить капиталы они закричатъ, что это значитъ зарѣзать промышленность и похоронить все будущее Россіи. И еще скажутъ они, что не слѣдуетъ высокими налогами возстановлять капиталистовъ противъ революціи. Всѣ ихъ заботы— какъ бы не отпугнуть отъ революціи крупныхъ собственниковъ, кото-

рые съ первыхъ дней марта борются противъ нея открыто и еще болѣе—тайно. И никакой-то заботы нѣтъ имъ до крестьянской бѣдноты, которая вмѣстѣ съ рабочими совершила переворотъ, и которая только и можетъ послужить широкой и надежной опорой новой Россіи.

И еще одно забываютъ добрые, сердечные господа при своихъ заботахъ о помѣщичьихъ интересахъ. Пусть земля будетъ конфискована, то-есть отобрана у помѣщиковъ безъ всякаго выкупа. И безъ уплаты выкупа новому русскому государству придется нести безконечно много расходовъ. У народа почти нѣтъ больницъ, и вообще самая жалкая врачебная помощь. У народа имѣются только жалкія школы, да и тѣ въ самомъ недостаточномъ количествѣ. Мало у насъ дорогъ, да и тѣ содержатся въ отвратительномъ состояніи, а желѣзныя дороги, вагоны и паровозы за время войны истрепались. На все это потребуются средства, огромныя средства. Большіе расходы потребуются для того, чтобы на новыхъ началахъ поставить все земледѣліе: нельзя е и дальше вести его такъ, какъ было при царѣ Горохѣ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы отдавать ни за что ни про что теперешнимъ помѣщикамъ средства, которыя можно получить съ капиталистовъ, будетъ умнѣе и безконечно полезнѣе для общества, если эти средства пойдутъ на школы, больницы, дороги, на широкую помощь земледѣлію.

Было бы великою пагубой, если бы господа обманули народъ и въ томъ или иномъ видѣ добились для помѣщиковъ выкупныхъ платежей за земли, возвращаемыя народомъ.

Крупные земельные собственники, запуганные въ мартѣ-апрѣлѣ, быстро приходятъ въ себя и стараются сбить съ толку крестьянство. Они ни передъ чѣмъ не останавливаются, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы часть крестьянъ. Они говорятъ, что конфискація земли, т. е. отобраніе ея безъ выкупа отъ теперешнихъ собственниковъ, и ея націонализація, т. е. превращеніе въ общегосударственную собственность, всѣхъ крестьянъ превратитъ въ нищихъ: отниметъ у крестьянской семьи тѣ пять-шесть десятинъ земли, которыми она кормится, и ничего не дастъ взамѣнъ отобраннаго.

Это—явно глупая выдумка, о которой не стоило бы упоминать, если бы она не находила людей легковѣрныхъ.

Ясное дѣло, что было бы великой безсмыслицей, если бы народъ отнялъ землю у крестьянской семьи, которая только-только кормится отъ этой земли и едва находитъ на ней примѣненіе для своихъ рабочихъ силъ. Кто выигралъ бы отъ такой нелѣпой мѣры, и кому понадобилась бы она? Крестьянская семья, дѣйствительно, превратилась бы въ семью нищихъ, и государству пришлось бы изыскивать средства, чтобы этимъ нищимъ дать пропитаніе. Кому и чему мѣшаетъ такая семья, отнимаетъ ли она у кого-нибудь хотя бы крошку того, что не было бы произведено мучительнымъ трудомъ ея членовъ?

Великій вредъ приноситъ обществу не то обстоятельство, что такая семья кормится собственнымъ трудомъ на пяти-шести десятинахъ земли, а то обстоятельство, что она не можетъ кормиться съ пяти-шести десятинъ и вынуждена или продавать за безцѣнокъ „излишнюю“

рабочую силу на сосѣднемъ заводѣ или пріарендовывать у сосѣдняго помѣщика клочекъ земли по безумно вздутымъ цѣнамъ. Въ интересахъ всего общества не отнять у этой семьи послѣднюю землю, которою она пользуется, а увеличить ту площадь, на которой она могла бы примѣнять свои рабочія силы: только такъ и можно уничтожить кабальную зависимость деревенской бѣдноты и отъ помѣщика, и отъ фабриканта, и отъ своего деревенскаго міроѣда. Въ интересахъ всего общества облегчить положеніе широкихъ массъ деревенскаго населенія: снять съ нихъ придавившую ихъ тяжесть податей и налоговъ. Эти массы ничего не лишатся, ничего не проиграютъ, а только выиграютъ отъ національзаціи земли.

И, дальше, пусть не запугиваютъ, увѣряя, будто, разъ вся земля перейдетъ къ государству, крестьянину придется уплачивать государству высокую арендную плату за ту землю, которая поступитъ въ его пользованіе. Такое запугиваніе прямо разсчитано на совершенную непонятливость крестьянина. Овладѣвъ государственной властью, народъ долженъ устроить на новыхъ началахъ всю налоговую систему. Два главныхъ налога будутъ у новаго государства: прогрессивно-подоходный и прогрессивно-поимущественный. У кого доходовъ хватаетъ только на сносное существованіе, и у кого нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ, ни доходныхъ домовъ, ни процентныхъ бумагъ, съ того государство ничего не возьметъ. Напротивъ, чѣмъ выше доходы, тѣмъ большую долю возьметъ себѣ государство, и чѣмъ больше у кого-нибудь собственности, тѣмъ выше онъ будетъ обложенъ налогами.

Вотъ если бы господа по-прежнему всѣмъ управляли, они ужъ, конечно, постарались бы содрать съ крестьянъ и рабочихъ все, что только возможно, и даже чего содрать невозможно. Они не остановились бы передъ тѣмъ, чтобы продать у земледѣльца послѣднюю коровенку; они устроили бы всю налоговую систему такимъ способомъ, что всего тяжелѣе она давила бы тѣхъ, кого и такъ задавила ничѣмъ не покрытая нищета.

Національзація многое отниметъ только у *крупныхъ* земельныхъ собственниковъ. Она не станетъ считаться съ тѣмъ, причисляется ли крупный собственникъ къ дворянскому, купеческому или крестьянскому сословію. Конечно, больше всего затронетъ она дворянъ, бывшую царскую семью и монастыри; но только потому, что крупныхъ земельныхъ собственниковъ здѣсь больше всего. Однако и въ крестьянскомъ сословіи, хотя и рѣдко, но все же встрѣчаются такіе, которые прибрали къ своимъ рукамъ многіе десятки десятинъ земли. Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ деревенской бѣдноты, они ростовщически закабаляютъ ее и по самымъ дешевымъ цѣнамъ,—въ видѣ отработокъ за ссуду, выданную въ нужное время,—получаютъ въ свое распоряженіе ея рабочую силу, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Такихъ богатыхъ крестьянъ національзація земли сильно урѣжетъ. И нѣтъ никакихъ причинъ для того, чтобы не подрѣзать имъ крылья.

Наладить деревенскія отношенія по-новому, по-хорошему—сложное дѣло. Уже теперь великая борьба разыгрывается около этого дѣла, и

еще упорнѣе будетъ она, когда народъ вплотную подойдетъ къ земельнымъ вопросамъ.

Эта борьба—не только борьба между помѣщиками и крестьянами, но и между различными группами крестьянства.

Необходимо ясно понять, чего требуетъ интересы деревенской бѣдноты. Иначе въ развертывающейся борьбѣ она не сброситъ съ себя многихъ старыхъ цѣпей и не замѣтитъ, какъ надѣнутъ на нее новыя цѣпи.

9. Какъ распорядиться землей, возвращенной народомъ?

Каждая группа крестьянства хотѣла бы по-своему рѣшить земельный вопросъ,—не такъ, какъ рѣшаютъ другія.

Въ борьбѣ за способъ рѣшенія побѣдитъ сильнѣйшая группа. А болѣе сильною окажется та, которая возьметъ верхъ не только своей численностью, но и яснымъ пониманіемъ дѣла.

Малая польза, а можетъ быть только вредъ получился бы для общества, если бы наиболѣе состоятельные крестьяне своимъ способомъ окончательно рѣшили земельный вопросъ для себя.

У состоятельнаго крестьянина въ семьѣ наибольшее количество работниковъ. У него сравнительно много рабочаго скота, телѣгъ, саней и плуговъ, у него часто есть машина-косилка.

Слѣдовательно, такой крестьянинъ скорѣе всего можетъ сильно расширить собственныя запашки запашками на помѣщичьихъ земляхъ. Ему было бы выгодно, если бы все, что онъ успѣлъ отхватить, было бы признано его неотчуждаемой собственностью. И столь же выгодно было бы, если бы все, что раньше онъ арендовалъ у сосѣдей, безданно-безпошлинно перешло бы къ нему на вѣчныя времена. Никакихъ средствъ не пожалѣлъ бы онъ для того, чтобы поскорѣе достать наемныхъ рабочихъ и возможно скорѣе и шире сдѣлать захваты на помѣщичьихъ или монастырскихъ земляхъ.

Тогда малосильному и безлошадному крестьянину оставалось бы только смотрѣть, какъ уничтожается у него всякая надежда на будущее. Тогда вышло бы, что народъ вырвалъ у крупныхъ помѣщиковъ землю только затѣмъ, чтобы на ихъ мѣсто создать новыхъ, среднихъ помѣщиковъ. Малосильный и безлошадный крестьянъ послѣ революціи остался бы въ такомъ же положеніи, какъ былъ до нея.

Своими захватами крестьяне кое-гдѣ предотвратили сокращеніе запашекъ и нѣсколько уменьшили суровость голода, надвигающагося на Россію. Они пошатнули положеніе помѣщиковъ, лишивъ ихъ части доходовъ, которые были бы использованы во вредъ народному дѣлу. Все это такъ. Но захваты не даютъ никакого отвѣта на вопросъ, какъ же слѣдуетъ окончательно распорядиться съ землей. И сами они сдѣлались необходимыми и неизбѣжными только потому, что правительство шесть мѣсяцевъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Такъ же просто хотѣли бы состоятельные крестьяне распорядиться съ лѣсами. Но и это было бы не общественное рѣшеніе вопроса. Хорошій лѣсъ для своего роста требуетъ нѣсколько десятилѣтій, вырубить же его можно въ пару недѣль. И тѣ крестьяне, у которыхъ много работниковъ и перевозочныхъ средствъ, быстро прибрали бы къ своимъ рукамъ всякій лѣсъ. Но тѣмъ самымъ они отняли бы его у общества: у теперешняго поколѣнія и у тѣхъ, которыя идутъ ему на смѣну.

Если бы на то была ихъ полная воля, состоятельные крестьяне забрали бы себѣ изъ образцовыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ весь породистый скотъ, всѣ наилучшія земледѣльческія орудія и машины. Мелкій и средній крестьянинъ съ машиной не справится: нѣтъ у него достаточнаго количества лошадей, которыя приводили бы ее въ дѣйствіе, не на что ему нанять работниковъ, которые управляли бы ею, да и ни къ чему она: и безъ машины ему нечего дѣлать на томъ клочкѣ земли, который онъ обрабатываетъ. А вотъ состоятельный крестьянинъ сумѣлъ бы все это забрать и использовать въ своихъ интересахъ.

Но для общества получился бы отъ этого великій ущербъ. Оказалось бы, что образцовыя хозяйства растасканы по частямъ и приведены въ полный упадокъ. Потребовались бы многіе годы, чтобы создать новыя такія хозяйства. Многія орудія и машины были бы по-просту испорчены и расхищены на сталь и желѣзо. Уцѣлѣвшія машины получили бы лишь недостаточное использованіе. Захватившіе ихъ состоятельные крестьяне взимали бы за ихъ „прокатъ“ высокія дани. Все общество стало бы бѣднѣе на истребленные лѣса, на разрушенныя образцовыя хозяйства, на расхищенныя орудія и машины. Нѣтъ, это — не общественное рѣшеніе вопроса.

Однако кое-гдѣ земельный вопросъ рѣшался такимъ способомъ. Но захватовъ этого рода было пока не такъ много, какъ можно было бы ожидать. На то существуютъ двѣ главныхъ причины.

Во-первыхъ, всѣ чувствуютъ, что вокругъ земельнаго вопроса развернется ожесточенная борьба, въ которой столкнется не только деревня съ крупными собственниками, но и различныя группы крестьянства между собою. Беретъ нѣкоторая оторопь при мысли объ этой борьбѣ. Является стремленіе отсрочить ея начало: у крестьянской бѣдноты — потому, что почти всѣ главы семействъ и почти все взрослое мужское населеніе взято въ солдаты; у помѣщиковъ — потому, что они разсчитываютъ все повернуть опять въ свою пользу и хотятъ дать бой, когда къ нему подготовятся. Теперь они со многимъ мирятся, надѣясь, что снова придетъ ихъ время, и они за все разсчитаются.

Во-вторыхъ, медленный ростъ аграрнаго движенія и его слабость по сравненію, можетъ быть, даже съ движеніемъ 1905—6 годовъ, объясняется опять-таки тѣмъ, что война деревню до крайности обезсилила. Чтобы совершить самые простые захваты, — запашками ли помѣщичьихъ земель, порубкой ли лѣса, — и на это требуются свободные работники и рабочій скотъ. Но даже у состоятельнаго крестьянства осталось мало людей и скота. Поэтому малая распространенность захватовъ свидѣтельствуетъ отнюдь не о томъ, что деревня склонна ждать

до учредительнаго собранія, которое когда-нибудь соберется, а только о томъ, что война отняла у нея всѣ живыя силы.

Но часть этихъ силъ останется неубитой и неискалѣченной и возвратится въ деревню. Объ этомъ слѣдуетъ помнить, и слѣдуетъ все подготовить къ тому, чтобы этимъ силамъ оставалось лишь развернуть организованную дѣятельность.

Г-нъ Савинковъ-Ропшинъ, управляющій военнымъ министерствомъ, говоритъ, что, „какъ бы ни было трудно веденіе войны, мы были бы даже не въ силахъ прекратить ее, если бы и представилось возможнымъ подписать почетный миръ, такъ какъ мы не смогли бы произвести демобилизацію“. Его страшитъ одна мысль о томъ, что „не сдержанная дисциплиной толпа послѣ подписанія мира шарахнется, какъ стадо, домой, и голодная пройдетъ черезъ всю Россію“ („Извѣстія Пет. С. Р. и С. Д.“ отъ 28 іюля 1917 г.). Что же, не вести ли войну ужъ до тѣхъ поръ, пока всѣ солдаты не будутъ убиты и перекалѣчены? Тогда конецъ войны не принесъ бы никакихъ хлопотъ.

Война кончится, уцѣлѣвшіе солдаты вернутся въ деревню. Вернутся тысячи и милліоны измученныхъ окопной жизнью людей,— вернутся въ надеждѣ найти Россію свободной и обновленной: не мачехой, а матерью для земледѣльцевъ.

И никакіе уговоры, никакія рѣчи, никакіе военно-полевые суды и разстрѣлы не удержать тогда деревни, если возвратившіеся увидятъ, что все осталось по-прежнему, и что во многихъ отношеніяхъ стало еще хуже, еще тяжелѣе. И низкимъ издѣвательствомъ надъ деревней будутъ увѣренія, будто деревня грозно и бурно волнуется только по своей темнотѣ. Она станетъ волноваться не по темнотѣ, а потому, что не видитъ просвѣта,—потому, что такого просвѣта ей не даютъ: какъ солдаты начинаютъ волноваться все чаще и чаще потому, что и ихъ суровыми мѣрами просто гонятъ куда-то для невѣдомыхъ цѣлей и заставляютъ слѣпо подчиняться командному составу, къ которому у солдатъ нѣтъ довѣрія,—и не можетъ быть довѣрія, такъ какъ даже г. Савинковъ, управляющій военнымъ министерствомъ, говоритъ, что чистка высшаго командпаго состава—одна изъ ближайшихъ и самыхъ настоятельныхъ задачъ.

Временному правительству уже давно слѣдовало бы объявить (издать декретъ) о томъ, что вся земля безъ выкупа переходитъ къ народу. Это разомъ устранило бы многія тревоги крестьянства въ деревнѣ и въ арміи. И разомъ показало бы крупнымъ земельнымъ собственникамъ, что для нихъ дѣло съ землею покончено, что возвратиться къ старому имъ не удастся.

Разъ вся земля отъ теперешнихъ собственниковъ переходитъ ко всему государству, было бы нелѣпо оставлять за теперешними собственниками право распоряжаться землей. Деревня проникнута недовѣріемъ и волнуется какъ разъ потому, что временное правительство, вопреки ясно выраженной волѣ народа, старается насильственно сохранить за старыми собственниками всѣ ихъ права. Представители буржуазныхъ интересовъ сохраняютъ за собою большое количество мѣстъ въ мини-

стерствѣ и умѣло подчиняютъ своему вліянію остальныхъ министровъ. Благодаря ихъ настояніямъ, снова и снова отсрочивается и оттягивается изданіе законовъ, необходимыхъ для крестьянъ и рабочихъ.

Распоряжаться землею, отобранной у теперешнихъ собственниковъ, долженъ, конечно, самъ народъ. У правительства было достаточно времени, чтобы устроить эту сторону дѣла. Давно слѣдовало объявить, что необходимо организовать волостные, уѣздные и губернскіе крестьянскіе комитеты, и что къ нимъ переходитъ завѣдованіе всей землей. За шесть мѣсяцевъ можно было бы успѣть провести выборы въ волостныя, уѣздныя и губернскія земства. Выборы были бы произведены на основаніи всеобщаго избирательнаго права, слѣдовательно, дали бы рѣшительный перевѣсъ представителямъ крестьянскихъ интересовъ. Завѣдываніе землей на мѣстахъ перешло бы тогда къ этимъ новымъ земствамъ.

Получилось бы ясное, опредѣленное положеніе: земля, дѣйствительно, переходитъ къ народу. И земледѣльцы уже сами позаботились бы о томъ, чтобы предотвратить истребленіе лѣсовъ и разгромъ образцовыхъ хозяйствъ. Крестьянство тогда видѣло бы, что охраняетъ все это для себя, а не для теперешнихъ собственниковъ: охраняетъ для того, чтобы сбросить съ себя прежнюю экономическую несвободу, а не для того, чтобы закабаленіе опять возвратилось.

Но было бы достигнуто и еще нѣчто, при теперешнихъ условіяхъ очень важное. Волостные, уѣздные и губернскіе крестьянскіе комитеты или земства, получивъ въ свое завѣдованіе всѣ земли, провели бы правильное распредѣленіе рабочихъ силъ, сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ между этими землями. Вся сельско-хозяйственная площадь была бы использована наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ, страна получила бы наибольшее количество продовольственныхъ продуктовъ. Не получилось бы того тягостнаго положенія, какое существовало за истекшіе мѣсяцы: отдѣльные крестьяне лишь за собственный страхъ производили запашки и посѣвы на пустующихъ частновладѣльческихъ земляхъ, не имѣя полной увѣренности, что урожай достанется имъ. А правительство и мѣстныя власти ограничивались тѣмъ, что называли такія дѣйствія самоуправными, анархическими захватами, грозили захватникамъ карами, и не приводили угрозъ въ исполненіе и въ концѣ-концовъ оставляли въ покоѣ „захватчиковъ“ только потому, что не было въ ихъ распоряженіи силъ, которыя можно было бы послать на деревню въ качествѣ карательныхъ отрядовъ.

Не было бы ничего случайнаго и произвольнаго, не было бы никакихъ „анархическихъ захватовъ“, сильно сократились бы недосѣвы, если бы временное правительство съ самаго начала поторопилось издать правила, которыя разомъ ввели бы все движеніе въ рамки организованности и законности. Но всему этому противодѣйствовали собственники, которые пользовались своимъ вліяніемъ на временное правительство. Крестьяне должны потребовать, чтобы хоть теперь былъ положенъ конецъ тягостному положенію, угрожающему великими опасностями всему обществу.

Теперешнее распредѣленіе земледѣльческаго населенія между отдѣльными волостями, уѣздами, губерніями, цѣлыми областями не можетъ считаться правильнымъ. Оно не обезпечиваетъ наибольшаго использованія ни земельныхъ пространствъ, ни рабочихъ силъ земледѣльческаго населенія. Если сохранить это распредѣленіе въ теперешнемъ видѣ, это поведетъ къ тому, что понапрасну будутъ расточаться силы природы и рабочія силы человѣка, и общество не получитъ такого количества продовольственныхъ продуктовъ, какое оно получило бы при правильномъ распредѣленіи земледѣльческаго населенія.

Земельный вопросъ не можетъ быть улаженъ, какъ земельный вопросъ только деревни Ивановки, или какого-нибудь Ивановскаго уѣзда, или хотя бы какъ земельный вопросъ только какой-нибудь Ивановской губерніи. Онъ можетъ быть улаженъ только какъ широкій общественный вопросъ, касающійся всего общества.

Теперешній переворотъ не принесетъ всей возможной пользы для общества, если богатѣи Ивановки прочно захватятъ и подѣлятъ между собою обширныя земли сосѣдняго имѣнія. Не принесетъ онъ всей возможной пользы для общества, если безлошадные крестьяне Петровки, со всѣхъ сторонъ окруженные такими же безхозяйственными деревнями, останутся такими же безлошадными и безхозяйственными, какъ они были. Правильное рѣшеніе, общественное рѣшеніе, можетъ быть, потребуетъ, чтобы петровцы получили возможность взять на себя общественное веденіе того хозяйства, которое лежитъ близъ Ивановки. Потому-то мы и требуемъ *націонализаціи* земли, то-есть превращенія ея въ достояніе всего государства, а не той или иной деревни, волости, губерніи или области. Правительство должно ясно и опредѣленно сказать объ этомъ теперь же, при передачѣ всей земли во временное завѣдованіе волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ крестьянскихъ комитетовъ или новыхъ земствъ. Пусть это будетъ, дѣйствительно, временное завѣдованіе, а не окончательное устройство поземельныхъ отношеній.

Много времени упущено по пустому. Давно слѣдовало властно сказать, что вся земля уже принадлежать народу, и приступить къ обсужденію, какъ же народъ съ землею устроится. Здѣсь не должно быть никакихъ неясностей и тумановъ: дорого придется поплатиться народу за неясности.

Соціалисты-революціонеры говорятъ: „земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ".

Сразу получается большая неясность. Это можетъ означать одно изъ двухъ: или каждый земледѣлецъ является *собственникомъ* того участка земли, который онъ обрабатываетъ, — или же собственникомъ является вся *совокупность земледѣльцевъ*, и никто другой, кромѣ земледѣльцевъ, не въ правѣ вмѣшиваться въ земельныя дѣла.

Въ первомъ случаѣ незачѣмъ говорить о націонализаціи земли, (или, какъ почему-то предпочитаютъ наводить туманъ соціалисты-революціонеры, о ея „соціализаціи"). Тогда надо говорить прямо: мы стремимся раздробить всю землю между мелкими собственниками. Но сами соціалисты-революціонеры признаютъ, что земельная собственность тор-

мозитъ развитіе земледѣлія, безконечно вредитъ ему. Зачѣмъ же они предлагаютъ мѣру, которую сами признаютъ вредной?

Во второмъ случаѣ надо быть послѣдовательнымъ. Если говорятъ, что вся земля должна принадлежать совокупности земледѣльцевъ, то должны также сказать, что желѣзныя дороги пусть принадлежатъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, а прядильно-ткацкія фабрики—прядильщикамъ и ткачамъ. Это рѣшеніе будетъ неправильное. Желѣзныя дороги обслуживаются не только машинистами, кочегарами, кондукторами, стрѣлочниками и т. д. Онѣ созданы и тѣми землекопами, которые дѣлали выемки и насыпи, и тѣми рабочими, которые клали шпалы и рельсы, и тѣми, которые дѣлали эти рельсы, строили станціи, вагоны и паровозы. Если вдуматься въ дѣло, то мы придемъ къ выводу, что все общество создало желѣзныя дороги и поддерживаетъ на нихъ движеніе.

Новое государство можетъ взять себѣ всѣ желѣзныя дороги. Конечно, оно можетъ управленіе ими передать желѣзнодорожникамъ. Во всякомъ случаѣ оно должно привлечь желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ самому близкому участію въ завѣдованіи желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ: только тогда отъ хозяйства и получатся наилучшіе результаты. Но это не будемъ означать, что дороги принадлежатъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ. Нѣтъ, мы тогда скажемъ, что онѣ принадлежатъ всему обществу.

То же самое и съ землей. Не только земледѣлецъ, но все трудовое общество, всѣ милліоны рабочихъ людей опредѣляютъ, что извлечетъ земледѣлецъ изъ обрабатываемаго имъ участка, въ какой мѣрѣ использyетъ онъ земледѣльческіе продукты, что получитъ за нихъ. Земледѣлецъ черезъ своихъ представителей скажетъ свое слово о томъ, какъ сдѣлать, чтобы общество получало наибольшую пользу отъ желѣзныхъ дорогъ. Но и желѣзнодорожные рабочіе, и ткачи, и прядильщики, и весь народъ имѣютъ всѣ основанія указать, какъ уладить теперь и улаживать въ будущемъ земельныя отношенія.

Много неясностей связано съ требованіемъ „уравнительнаго землепользованія", которое тоже выдвигаютъ соціалисты-революціонеры. Дѣло понимается обыкновенно такимъ образомъ, что всякій желающій получитъ такой участокъ земли, отъ котораго онъ съ семьей могъ бы прокормиться (распредѣленіе земли „по продовольственной нормѣ"), или на которомъ онъ могъ бы цѣликомъ использовать всѣ рабочія силы свои и семьи (распредѣленіе всей земли „по трудовой нормѣ").

Слѣдуетъ помнить, что „уравнительность" получится самая неустойчивая. Составъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ и количество въ нихъ рабочихъ силъ постоянно мѣняется. Придется производить частое перераспредѣленіе земли для возстановленія уравнительности. Возникнетъ та же черезполосица, создадутся такія же помѣхи усовершенствованію земледѣлія, какъ при общинномъ землевладѣніи. Потребуется мелочная регламентація и придирчивая опека, чтобы съ одной стороны предотвратить сосредоточеніе нѣсколькихъ „паевъ" въ однѣхъ рукахъ, а съ другой—воспрепятствовать крайнему раздробленію и измельчанію каждаго пая. Но и самая придирчивая регламентація не помѣшаетъ тому, что наемный трудъ начнетъ играть возрастающую роль въ

земледѣліи: „неуравнительность“, складывающаяся подъ внѣшнимъ покровомъ мнимой уравнительности, приведетъ къ тому, что все большему количеству земледѣльцевъ придется продавать свою рабочую силу, превращаться въ наемныхъ работниковъ.

Безусловно необходимо, чтобы во всякомъ уѣздѣ и во всякой губерніи не вся земля была распредѣлена тѣмъ или инымъ способомъ: чтобы часть ея была выдѣлена, какъ свободный запасъ земли, пригодной для воздѣлыванія (запасной земельный фондъ). Необходимъ кромѣ того общегосударственный запасъ земли. Но этотъ запасъ только до поры до времени давалъ бы выходъ для тѣхъ земледѣльцевъ, которые не находятъ достаточнаго количества земли у себя на мѣстѣ. И не въ этомъ предназначеніе земельнаго фонда.

Если въ основу новаго земельнаго строя будетъ положена „уравнительность“, у каждой семьи земледѣльцевъ будетъ отдѣльное сельско-хозяйственное производство. Особое покровительство уравнительному распредѣленію земли знаменуетъ покровительство мелкому производству. Но въ состояніи ли это производство въ надлежащей мѣрѣ использовать всѣ завоеванія науки, примѣнить сберегающія человѣческій трудъ орудія и машины? И если мелкое производство будетъ давать земледѣльцамъ въ основныхъ чертахъ только пропитаніе, откуда найдутся у нихъ средства на дополнительныя затраты, необходимыя для подъема земледѣлія на высшую ступень? Не выйдетъ ли тогда такъ, что положеніе земледѣльческаго населенія улучшится только на короткое время,— а потомъ земля станетъ выпахиваться, уровень земледѣлія падать, какъ падало до сихъ поръ крестьянское земледѣліе? И не будетъ ли мелкое самостоятельное производство отдѣлять одного земледѣльца отъ другого, не станетъ ли отрывать ихъ и другъ отъ друга, и отъ общественной жизни? И, наконецъ, не превратитъ ли оно мелкихъ земледѣльцевъ въ настоящихъ собственниковъ той земли, которая первоначально попадетъ въ ихъ пользованіе? Національзація земли окажется преходящимъ моментомъ великаго земельнаго переворота. Она успѣетъ уничтожить остатки крѣпостническихъ временъ и то пореформенное крѣпостничество, которое было создано сословной приниженностью крестьянства и его растущею экономической несвободой. Но въ концѣ-концовъ окажется, что національзація просто передастъ землю новымъ, мелкимъ собственникамъ. Старыя помѣхи общественному развитію отпадутъ, но вмѣсто того будутъ созданы новыя, связанныя съ новой частной собственностью на землю.

„Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ“, „мы стремимся къ уравнительному землепользованію“. Эти лозунги соціалистовъ-революціонеровъ вселяютъ надежду, что съ возвращеніемъ земли народу всякій желающій можетъ получить достаточный участокъ земли для себя и семьи и воздѣлать его. Нѣтъ болѣе безземельныхъ и безлошадныхъ, нѣтъ деревенскихъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ!

Но это—ошибочная надежда. Чтобы воздѣлать землю, необходимо поставить на ней избу, дворъ, сарай, необходимо достать плугъ, борону, лошадь, корову, сѣмянъ. Но все это не подъ силу деревенскому про-

летарію и не подъ силу мелкому безлошадному крестьянину,—тому крестьянину, которому живется хуже всего, и которому въ особенности необходимо улучшить свое положеніе. „Уравнительно“ надѣленный землею, онъ не въ состояніи будетъ ею воспользоваться; въ лучшемъ случаѣ онъ лишь кое-какъ ее обработаетъ и засѣетъ единственно для того, чтобы не утратить на нее права. А деревенскій наемный рабочій, у котораго нѣтъ ни кола ни двора, и совсѣмъ не сумѣетъ приступиться къ землѣ. Онъ останется при томъ, при чемъ раньше: только при своихъ рабочихъ рукахъ.

Правда, въ утѣшеніе деревенскому пролетарію и малосильному безлошадному крестьянину, говорятъ, что государство дастъ имъ ссуды на обзаведеніе собственной избой, лошадью, коровой и земледѣльческими орудіями. Но стоитъ только хорошенько продумать, какъ это можно осуществить—и довѣріе къ такимъ обѣщаніямъ упадетъ. Съ другой стороны, хватитъ ли силъ у деревенской бѣдноты настоять на выполненіи обѣщаній? Передъ выборами въ Московскую Думу много наобѣщали соціалисты-революціонеры городской бѣднотѣ. Городская бѣднота полагала, что они-то ужъ во всякомъ случаѣ не взвалятъ на нее новыхъ тягостей и налоговъ. А когда соціалисты-революціонеры провели въ Думу подавляющее большинство своихъ гласныхъ, они начали съ вопроса о повышеніи платы за трамвай и воду и поставили на очередь повышеніе налоговъ, которые собственниками будутъ взвалены на бѣдноту. Въ настоящее время соціалисты-революціонеры, которые могли бы взять въ свои руки все управленіе городомъ, болѣе трети мѣстъ въ городской управѣ предоставили кадетамъ, представителямъ буржуазіи, защитникамъ интересовъ крупной собственности, тѣмъ самымъ господамъ, которые до революціи исполняли въ городскихъ думахъ всѣ велѣнія крупныхъ домовладѣльцевъ.

Да то же и въ государственномъ управленіи. Въ началѣ іюля исключительно отъ соціалистовъ-революціонеровъ (и отчасти отъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ) зависѣло составить временное правительство такъ, чтобы въ него вошли исключительно представители интересовъ крестьянъ и рабочаго класса. Но соціалисты-революціонеры не захотѣли, чтобы вся дѣятельность государства опредѣлялась потребностями широкихъ народныхъ массъ. Они захотѣли, чтобы собственники были постояннымъ тормазомъ временнаго правительства. Они умоляли и умолили собственниковъ,—опять-таки ту же кадетскую партію, или „партію народной слободы“, какъ она себя называетъ,—послать въ министерство защитниковъ помѣщичьихъ и капиталистическихъ интересовъ. И собственники согласились: вошли въ министерство и съ перваго же дня начали препятствовать проведенію мѣръ, необходимыхъ для крестьянъ и рабочихъ, какъ препятствовали съ первыхъ дней революціи.

Вотъ и вѣрь послѣ этого обѣщаніямъ, что государство дастъ средства на хозяйственное обзаведеніе теперешняго безземельнаго и безлошаднаго люда деревни. Громадныя средства потребовались бы для этого. Но почему же мы должны вѣрить, что соціалисты-революціонеры, получивъ большинство въ учредительномъ собраніи, сумѣютъ достать эти средства

отъ собственниковъ? Эту вѣру окончательно расшатываетъ ихъ поведенiе въ Московской Городской Думѣ и во временномъ правительствѣ.

Нѣтъ, деревенская бѣднота должна направить свое вниманiе не на земельную „уравнительность", которая не дастъ ей выхода изъ теперешняго положенiя, а въ совершенно иную сторону. Она должна добиваться того, чтобы всѣ образцовыя хозяйства, со всѣмъ ихъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, общество передало въ управленiе деревенскимъ рабочимъ и наиболѣе необезпеченному крестьянству.

Раздробленiе этихъ хозяйствъ, расхищенiе скота и орудiй отбросило бы насъ назадъ. Сохраненiе ихъ какъ крупныхъ образцовыхъ хозяйствъ и общественное завѣдованiе ими только и дастъ возможность крестьянской бѣднотѣ укрѣпить свое положенiе, только тогда она и сдѣлается стойкимъ борцомъ за всѣ политическiя и экономическiя завоеванiя демократической революцiи. Только тогда она и сдѣлаетъ экономическiя завоеванiя въ этой революцiи.

Въ такихъ хозяйствахъ легче всего организовать широкое содѣйствiе научно подготовленныхъ техниковъ и агрономовъ. Здѣсь быстро найдутъ примѣненiе всѣ новѣйшiя усовершенствованiя. Сберегающiя человѣческiй трудъ машины получатъ полное использованiе.

При организацiонныхъ связяхъ съ городскими потребительными обществами рабочаго класса возможно будетъ найти удачное разрѣшенiе вопроса о привлеченiи дополнительныхъ рабочихъ на страдную пору, на время уборки сѣна и хлѣба. Тѣ же организацiонныя связи съ союзами рабочихъ потребительныхъ обществъ откроютъ обезпеченный и надежный сбытъ для земледѣльческихъ продуктовъ: хлѣба и мяса, молока, масла, яицъ и овощей. Образцовыя хозяйства, управляемыя на демократическихъ началахъ, могутъ превратиться въ новую отрасль собственнаго производства потребительныхъ обществъ. Въ то же время для нихъ сдѣлаются доступными всѣ выгоды, которыя получаютъ члены потребительныхъ обществъ отъ развитiя собственнаго промышленнаго производства. Такъ будетъ налаживаться новый путь къ соединенiю промышленности съ земледѣлiемъ, которое положитъ конецъ безпощадному расхищенiю силъ природы и расточенiю человѣческихъ трудовыхъ силъ.

Противъ такого рѣшенiя вопроса о судьбѣ культурныхъ хозяйствъ рѣшительно выступятъ состоятельные крестьяне, прибравшiе къ своимъ рукамъ многiе десятки десятинъ. Они охотнѣе рѣшили бы дѣло по-другому: растащили бы всѣ орудiя и машины, захватили бы всѣ образцовые поля и покосы, вырубили бы всѣ лѣса. Выбросивъ какую-нибудь подачку, бревно, соху или плужокъ, они постарались бы склонить къ такому рѣшенiю и деревенскую бѣдноту.

Пусть же бѣднота не поддается обману. Пусть она скажетъ, что, когда расхищаютъ и уничтожаютъ образцовыя хозяйства, это обворовываютъ ее, обворовываютъ все общество, наглухо закрываютъ одинъ изъ главныхъ просвѣтовъ къ лучшему будущему и для нея самой и для грядущаго поколѣнiя.

Не уничтожать, а расширять надо этотъ просвѣтъ; не сокращать количество образцовыхъ хозяйствъ и ихъ площадь, а увеличивать.

Слишкомъ мало ихъ оставляетъ намъ прошлая исторія: слишкомъ много доходовъ давала земля крупнымъ собственникамъ безъ всякихъ хлопотъ изъ-за устройства образцовыхъ хозяйствъ. Надо сдѣлать такъ, чтобы такія хозяйства были въ каждой волости, по нѣсколько на каждую волость. Необходимо, чтобы государство дало достаточныя средства на ихъ распространеніе и развитіе. Запасы свободныхъ земель слѣдуетъ предназначить въ первую очередь для устройства новыхъ образцовыхъ хозяйствъ. Каждое такое хозяйство потребуетъ несравненно меньше средствъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы государство, дѣйствительно, постаралось надѣлить теперешнихъ безлошадныхъ и безхозяйственныхъ всѣмъ, что требуется для самостоятельнаго мелкаго производства.

Получивъ широкое распространеніе, осуществивъ полное и цѣлесообразное использованіе всѣхъ техническихъ возможностей, культурныя хозяйства станутъ, дѣйствительно, образцовыми: превратятся въ ту форму, къ которой будетъ тяготѣть все сельскохозяйственное производство.

При національзаціи земли, у мелкаго земледѣльца исчезнутъ всѣ побужденія отстаивать мелкое производство чрезмѣрнымъ трудомъ и недостаточнымъ питаніемъ всѣхъ членовъ семьи. Вырожденіе деревни смѣнится ея возрожденіемъ на основѣ крупнаго общественнаго производства. Нѣкогда культурно и политически отсталая и обособленная, деревня будетъ прочно вовлечена въ сѣть широкихъ общественныхъ связей.

10. Долой соціалъ-демократовъ большевиковъ

Все, что изложено выше, показываетъ, какъ смотрятъ на теперешній земельный вопросъ соціалъ-демократы большевики.

Въ эту партію организовались передовые, наиболѣе сознательные, наиболѣе революціонные промышленные рабочіе.

Они ясно видятъ, какъ искусно собственники обдѣлываютъ свои дѣла и ведутъ свою линію. Тамъ, гдѣ рѣшаются судьбы всего народа, они не сдѣлаютъ собственникамъ ни малѣйшей уступки.

И за то собственники кричатъ: „Долой соціалъ-демократовъ большевиковъ!“

Въ то время, когда первое широкое народное возстаніе 1905 года казалось окончательно и навсегда разбитымъ, когда царь и помѣщики торжествовали побѣду, большевики не прекращали борьбы за учредительное собраніе и за демократическую республику.

И за то царское правительство подвергало большевиковъ самымъ ожесточеннымъ гоненіямъ и тысячами отправляло ихъ въ ссылку, въ тюрьму и на каторгу.

Когда началась теперешняя подлая истребительная война, большевики первые заявили, что массамъ народа: крестьянству и рабочему классу, она принесетъ только смерть, разореніе и возрастаніе гнета.

Они ясно и громко сказали, что капиталисты Англіи и Германіи, Франціи и Россіи втравили народы въ эту войну, потому что мало имъ тѣхъ барышей, которые они у себя получаютъ.

И громко сказали они, что рабочій классъ и крестьянство ничего не выиграютъ отъ военныхъ захватовъ, а только поплатятся за нихъ своей кровью, своимъ достояніемъ и несказуемой нищетой, къ которой приведетъ затяжная война.

И сказали они, что народы должны сбросить съ себя иго помѣщичьихъ и капиталистическихъ правительствъ и, уничтоживъ власть виновниковъ бойни, положить ей конецъ.

И за то, что революціонные соціалъ-демократы призывали крестьянъ столковаться съ крестьянами и рабочихъ съ рабочими, за то, что они призывали положить конецъ войнѣ борьбой противъ внутреннихъ угнетателей, правительства Англіи и Германіи, Австріи и Франціи объявили революціонныхъ соціалъ-демократовъ измѣнниками и предателями.

Понять игру господствующихъ классовъ, выступить на защиту крестьянъ и рабочихъ, это значитъ для господствующихъ классовъ измѣнить родинѣ.

И за то, что большевики, россійскіе революціонные соціалъ-демократы, пять большевистскихъ депутатовъ Государственной Думы, призывали народъ къ борьбѣ противъ царскаго правительства, покрытаго народною кровью, царское правительство объявило ихъ и сотни другихъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ предателями Россіи и отправило въ сибирскую ссылку.

И за то, что большевики не ослабляютъ своей борьбы за прекращеніе преступной войны, за то, что они раскрываютъ корыстныя захватническія цѣли господствующихъ классовъ всѣхъ странъ, ихъ не перестаютъ травить въ настоящее время.

Но ихъ травятъ не только за это.

Ихъ травятъ за то, что они ведутъ рѣшительную борьбу за немедленный переходъ всей земли и всей власти къ народу.

Ихъ травятъ за то, что они первые увидали, какъ участіе представителей крупныхъ собственниковъ во временномъ правительствѣ ставитъ помѣхи упроченію и расширенію революціонныхъ завоеваній народа.

Собственники ихъ боятся и травятъ. Собственники боятся, что ихъ голосъ дойдетъ до народа. Большевистское слово, большевистскія газеты, большевистскія книжки вызываютъ величайшую ненависть у собственниковъ. Закрыть всѣ ихъ газеты! Немедленно арестовать ихъ ораторовъ, какъ только они начнутъ говорить! Не допускать ихъ до крестьянъ и солдатъ! Долой соціалъ-демократовъ большевиковъ!

Подумайте же хорошенько, крестьяне-товарищи, за что капиталисты и помѣщики такъ ненавидятъ большевиковъ. Не потому ли такъ велика эта ненависть, что революціонная соціалъ-демократія съ величайшей рѣшительностью борется за интересы деревенской бѣдноты?

И еще подумайте, крестьяне-товарищи: въ чьихъ интересахъ то рѣшеніе земельнаго вопроса, за которое стоятъ большевики и которое изложено въ этой книжкѣ? Одного того, что большевики борются за такое рѣшеніе старинной борьбы между крестьяниномъ и помѣщикомъ, достаточно, чтобы вызвать смертельную ненависть у собственниковъ.

Долой соціалъ-демократовъ большевиковъ, это значитъ: пусть помѣщики удерживаютъ земли у себя,—они соберутся съ силами, и удержатъ всѣ земли, какъ послѣ 1905 года.

Долой соціалъ-демократовъ большевиковъ, это значитъ: пусть народъ останется такимъ же безвластнымъ и порабощеннымъ, какъ былъ до революціи.

Думайте же, разбирайтесь, крестьяне-товарищи, чего вы хотите. Хотите ли вы, чтобы народъ взялъ себѣ всю власть и всю землю,—или же чтобы и власть и земля возвратились въ старыя руки.

11. Дополненіе: кто и какъ совершаетъ конфискацію?

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о выкупныхъ платежахъ за земли, которыя возвратятся къ народу. Слѣдуетъ остановиться на одномъ соображеніи, которое приводятъ сторонники выкупа, противники конфискаціи.

По ихъ словамъ, они ничего не имѣютъ противъ конфискаціи *земель у помѣщиковъ*, но они очень боятся тяжелыхъ послѣдствій отъ конфискаціи *капиталовъ у банковъ*.

Помѣщичьи земли заложены въ различныхъ земельныхъ банкахъ: въ Дворянскомъ и въ частныхъ. Землевладѣльцы получили отъ банковъ подъ свои земли ссуды въ размѣрѣ отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ оцѣночной стоимости земли. Если десятина земли расцѣнивалась, напр., въ 100 руб., банкъ выдавалъ подъ нее помѣщику ссуду отъ 60 до 75 руб.

Чтобы добыть деньги на выдачу ссудъ, банки выпускали такъ называемые закладные листы: процентныя бумаги, т. е. бумаги съ купонами, по которымъ въ годъ уплачивалось, скажемъ, 4 рубля за каждую сотню рублей. Деньгами, вырученными отъ продажи закладныхъ листовъ, выдавались земельнымъ собственникамъ ссуды подъ землю. Конечно, за эти ссуды съ помѣщиковъ взималось нѣсколько больше четырехъ процентовъ въ годъ: банки должны были покрыть расходы по управленію и, кромѣ того, получить извѣстный барышъ.

Если земля возвратится къ народу безъ всякаго выкупа, закладные листы потеряютъ всякую цѣну: ими, какъ обоями, можно будетъ оклеивать стѣны,—ни на что иное они тогда не будутъ годиться. У земельныхъ банковъ изсякнутъ всякіе источники доходовъ. Имъ не изъ чего будетъ уплачивать проценты по закладнымъ листамъ: у помѣщиковъ, которые платили проценты по ссудамъ, отняли землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ отняли и всякіе доходы съ этой земли. Земельные банки обанкротятся.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ потеряны и тѣ денежные капиталы, которые были затрачены на покупку закладныхъ листовъ ихъ теперешними владѣльцами: лицами, вложившими въ нихъ свои мелкія сбереженія, а также капиталистами и банками, торговыми и промышленными. Многіе изъ нихъ тоже обанкротятся. А такъ какъ закладныхъ листовъ выпущено на нѣсколько милліардовъ рублей, то промышленность и торговля будутъ охвачены великими потрясеніями, отъ которыхъ онѣ очень не скоро оправятся.

Представимъ себѣ помѣщика, имѣніе котораго оцѣнивалось въ 1 милліонъ рублей. Подъ это имѣніе онъ получилъ изъ банка ссуду въ 700 тысячъ рублей. Значитъ, за это имѣніе ему оставалось получить еще только 300 тысячъ рублей; тогда онъ получилъ бы полностью все, чего оно стоитъ. Слѣдовательно, если земля будетъ конфискована, т. е. отобрана безъ всякаго выкупа, то помѣщикъ потеряетъ лишь эти 300 тысячъ рублей, а держатели закладныхъ листовъ, т. е. промышленные и торговые капиталисты и банки, лишатся цѣлыхъ 700 тысячъ рублей. И выйдетъ, что конфискація земли ударитъ несравненно сильнѣе не помѣщиковъ, а промышленную и торговую буржуазію, промышленность и торговлю.

Сторонники земельнаго выкупа ставятъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто они заботятся не о землевладѣльцахъ, а только о русской промышленности, для которой, при ея молодости и слабости, всякія дополнительныя потрясенія окажутся пагубными.

Они предлагаютъ простой выходъ: пусть всѣ долги земельныхъ банковъ перейдутъ на государство. Государство должно разсчитаться съ владѣльцами закладныхъ листовъ, выпущенныхъ земельными банками. Денежные капиталы, вложенные промышленниками и торговцами въ закладные листы, будутъ возвращены государствомъ этимъ промышленникамъ и торговцамъ. Словомъ, пусть будутъ конфискованы *земли у помѣщиковъ*: конфискаціи отнюдь не должны подвергаться *денежные капиталы буржуазіи*.

Конечно, на разсчетъ съ владѣльцами закладныхъ листовъ государству потребуются огромныя средства: въ размѣрѣ всѣхъ тѣхъ милліардовъ, въ которыхъ выражается задолженность крупной земельной собственности. Но государство добудетъ эти средства прогрессивно-подоходнымъ и прогрессивно-поимущественнымъ налогомъ.

Здѣсь разомъ обнаруживается вся шаткость и непродуманность или неискренность сторонниковъ частичнаго выкупа. Начинаютъ они съ того, что призываютъ бережно отнестись къ промышленной и торговой буржуазіи, которая вложила часть своихъ денежныхъ капиталовъ въ закладные листы земельныхъ банковъ. А заканчиваютъ тѣмъ, что средства на выкупъ предлагаютъ добыть специальнымъ налогомъ, который, за упраздненіемъ помѣщиковъ, цѣликомъ долженъ лечь на эту самую буржуазію. Уже теперь они тревожно кричатъ объ опасностяхъ, угрожающихъ русской промышленности отъ конфискаціи земли. Какой же крикъ поднимутъ они, когда государство потребуетъ отъ промышленности и торговли милліарды рублей на учиненіе разсчетовъ съ владѣльцами закладныхъ листовъ.

Но въ разсужденіяхъ сторонниковъ частичнаго выкупа имѣется и еще одна великая непродуманность. Они изображаютъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто только декретомъ (указомъ) временнаго правительства или постановленіемъ учредительнаго собранія закладные листы земельныхъ банковъ будутъ превращены въ простую печатную бумагу, расцѣниваемую не дороже обоевъ: какъ будто вложенные въ нихъ денежные капиталы будутъ потеряны только вслѣдствіе того декрета.

или постановленія, которымъ земли будутъ объявлены подлежащими конфискаціи безъ всякаго выкупа.

Въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Годы 1905—6 уже показали, что декретъ могъ бы лишь завершить, закончить конфискацію, которая уже совершена революціоннымъ движеніемъ*).

Передъ русско-японской войной четырехъ-процентные закладные листы земельныхъ банковъ расцѣнивались приблизительно въ 100 руб. за каждую сотню, означенную на этихъ листахъ. Изъ доходовъ, получаемыхъ съ земли, помѣщики уплачивали банкамъ проценты по полученнымъ ими ссудамъ, а банки въ свою очередь уплачивали проценты по закладнымъ листамъ.

Въ 1905—6 годахъ развернулось аграрное движеніе. Крестьяне отказывались платить кабальныя арендныя цѣны за земли, взятыя ими въ аренду у помѣщиковъ, отказывались „отрабатывать" въ помѣщичьихъ экономіяхъ за тѣ поля и покосы, которые снимались ими у помѣщиковъ. Начались „самовольные" захваты: крестьяне убирали къ себѣ хлѣбъ и сѣно съ помѣщичьихъ земель, производили порубки въ помѣщичьихъ лѣсахъ и т. д.

Доходы съ земли начали уходить отъ помѣщиковъ. Складывалось такое положеніе, когда помѣщикамъ нечѣмъ было платить за ссуды, взятыя въ банкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приближалось такое положеніе, когда банкамъ нечѣмъ будетъ оплачивать купоны закладныхъ листовъ.

Раньше закладные листы земельныхъ банковъ считались одной изъ наиболѣе надежныхъ процентныхъ бумагъ. Уплата процентовъ прочно обезпечивалась возрастающей доходностью земли. Потому-то закладные листы и расцѣнивались выше многихъ другихъ процентныхъ бумагъ. Затративъ 100 руб. на покупку закладного листа, покупатель былъ увѣренъ, что 4 руб. съ сотни будетъ получать не только онъ, но и его наслѣдники.

Аграрное движеніе въ конецъ расшатало эту увѣренность. Все меньше охотниковъ находилось покупать эти бумаги, все большее количество лицъ хотѣло поскорѣе продать ихъ, развязаться съ ними. Расцѣнки закладныхъ листовъ начали быстро падать: вмѣсто заплаченныхъ за нихъ при покупкѣ 100 руб., ихъ теперь уступали за 90, за 80, за 70 руб.... Все больше появлялось продавцовъ этой бумаги, все меньше оказывалось покупателей на нее.

Въ 1906 году цѣны на закладные листы земельныхъ банковъ опустились ниже 70 руб. Если бы аграрное движеніе продолжалось, цѣна упала бы до 60, до 50, до 40 руб. и т. д.

Покупатель заплатилъ за бумагу 100 руб. Теперь онъ можетъ выручить за нее всего 70 руб. Это значитъ, что изъ каждой сотни у него уже конфисковано 30 руб. Это значитъ, что денежный капиталъ, выданный въ ссуду подъ заложенныя земли, на одну треть уже былъ конфискованъ. Промышленные и торговые банки и весь торговый оборотъ

*) Въ послѣдующемъ я кратко воспроизвожу мысли, развитыя въ моей статьѣ: „Конфискація или выкупъ?" Сборникъ „Вопросы дня". М. 1906 г.

уже считались съ этой пониженной расцѣнкой листовъ. И никто тогда не говорилъ, что эта частичная конфискація денежныхъ капиталовъ привела къ промышленному развалу.

Если бы революція продолжалась, дальнѣйшимъ пониженіемъ цѣны закладныхъ листовъ была бы конфискована еще одна треть вложенныхъ въ нихъ капиталовъ. Декретъ о конфискаціи земли, т. е. объ отобраніи ея у помѣщиковъ безъ всякаго выкупа, просто лишь *довершилъ бы* конфискацію: сказалъ бы, что листы, упавшіе въ цѣнѣ до 30 или до 20 руб. вмѣсто ста, можно использовать, какъ обои.

Напротивъ, декретъ о выкупѣ земли сказалъ бы, что за бумаги, которыя теперь продаются и покупаются по 20—30 руб., государство обязывается уплатить по 100 руб. за штуку. Это значило бы, что государство обязывается облагодѣтельствовать тѣхъ спекулянтовъ, которые, въ разсчетѣ на такое непостижимое милосердіе государства, начнутъ скупать падающія въ цѣнѣ бумаги. И надежда на выкупъ какъ разъ превратитъ этихъ спекулянтовъ въ самыхъ отчаянныхъ контръ-революціонеровъ: они будутъ поддерживать всѣ мѣры, направленныя къ усмиренію крестьянъ; они будутъ содѣйствовать возстановленію строя, при которомъ государство творитъ волю капиталистовъ и помѣщиковъ. Борьба противъ революціи превратится для нихъ въ своего рода биржевую, спекулятивную игру, цѣлью которой является полученіе 100 руб. за 30 или 20 руб.

Государство можетъ положить конецъ этой игрѣ на контръ-революцію только однимъ способомъ: немедленно и безповоротно заявивъ, что никакого выкупа за землю не будетъ дано.

Тѣмъ самымъ государство просто откажется отъ приплаты изъ народныхъ средствъ тѣхъ 70—80 руб., которые владѣльцы уже потеряли изъ каждой сотни, заплаченной за закладные листы. Тѣмъ самымъ оно просто понизитъ съ 20—30 руб. до нуля цѣны листовъ, съ ста руб. уже понизившіяся до 20—30 руб.

Такъ надо было ставить вопросъ въ 1905—6 годахъ. Въ настоящее время дѣло обстоитъ, пожалуй, еще проще.

Война, въ связи съ основнымъ способомъ добыванія средствъ на нее посредствомъ безконечныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и займовъ, уже привела къ небывалой по размѣрамъ конфискаціи денежныхъ капиталовъ (объ этомъ см. мою брошюру: „Кто богатѣетъ и кто разоряется отъ войны". М. 1917 г.). Теперешній рубль уже составляетъ не болѣе 20 довоенныхъ копеекъ. Каждый изъ насъ чувствуетъ это по растущей дороговизнѣ.

Рубль упалъ до 20 прежнихъ копеекъ. Это совершилось и съ денежными состояніями крупныхъ капиталистовъ и съ мелкими сбереженіями лицъ недостаточныхъ. Если передъ войной на покупку закладного листа я затратилъ сотню рублей, то закладной листъ и теперь, правда, расцѣнивается въ 100 руб.; но эти рубли уже не прежніе, а новые, съ покупательной силой въ пять разъ меньше. И если передъ войной я получалъ по купонамъ 100 руб. въ годъ, то, хотя и теперь мнѣ вы-

плачиваютъ по купонамъ сто же рублей, но эта сотня равна всего двадцати прежнимъ рублямъ.

Значитъ, война и финансовая политика государства отняла у меня и у всѣхъ владѣльцевъ закладныхъ листовъ четыре пятыхъ денежнаго состоянія. Если временное правительство и дальше будетъ придерживаться теперешней финансовой политики, то рубль упадетъ еще больше и будетъ составлять всего 10 прежнихъ, довоенныхъ копеекъ. Это будетъ то же самое, какъ если бы правительство прямо, открыто отобрало у всѣхъ по $^{9}/_{10}$ денежныхъ капиталовъ и сбереженій въ денежной формѣ.

Значитъ, у владѣльцевъ закладныхъ листовъ уже къ настоящему времени какъ бы конфисковано $^{4}/_{5}$ тѣхъ средствъ, которыя они затратили на покупку закладныхъ листовъ. Декретомъ о конфискаціи земли безъ выкупа государство взяло бы у нихъ лишь остальную часть, т. е. всего одну пятую того, что было ими въ закладные листы вложено.

Тѣ, кто кричитъ о грозныхъ опасностяхъ отобранія земли безъ выкупа, дѣлаютъ вредное дѣло. Они отвлекаютъ вниманіе отъ дѣйствительно грозныхъ опасностей, которыя уже насъ задавили: отъ войны и финансовой системы. И, не останавливаясь на уже совершившемся ограбленіи четырехъ пятыхъ *всѣхъ* состояній, они запугиваютъ ужасами, которые воспослѣдуютъ отъ отобранія одной пятой не всѣхъ состояній, а только той сравнительно небольшой ихъ доли, которая помѣщена въ закладные листы земельныхъ банковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

